

АЛЕКСАНДР РОМАНОВСКИЙ

СТРЕЛОК

Александр Романовский
Стрелок

«Романовский Александр Георгиевич»

2009

Романовский А. Г.

Стрелок / А. Г. Романовский — «Романовский Александр Георгиевич», 2009

ISBN 978-5-9942-0397-2

«...Высокая тощая фигура шагала по ночным улицам, опасным и грязным, громоздящимся от горизонта до горизонта бесконечным зловонным лабиринтом, не имеющим выхода и лишаящим последних надежд. Строения громоздились одно на другое в тщетной борьбе за кусок чистого неба, но на всякого великана неизменно приходилась дюжина более огромных, угловатых и безобразных...»

ISBN 978-5-9942-0397-2

© Романовский А. Г., 2009

© Романовский Александр
Георгиевич, 2009

Содержание

Часть 1. Выбор	5
Часть 2. Судьба	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Романовский

Стрелок

Часть 1. Выбор

Все началось с грабежей игуан, – курьеров, переносящих «опиумные» деньги.

Мафия рептилий, разумеется, не преминула обвинить в оных кощунствах шакалов, своих давних врагов, но те, вопреки ожиданиям, все отрицали – кичливые гангстеры, шутки ради, не единожды сознавались в особо резонансных злодеяниях, набирая дополнительные баллы и без того одиозной репутации.

В данном случае вышло с точностью до наоборот: мы, мол, – твердили шакалы, – не стали бы ждать прорву лет, чтобы вцепиться в нежные глотки курьеров, благо те сновали под самыми мордами...

Игуаны раздували чешуйчатые щеки, топорщили спинные гребни, но не спешили с конфронтацией. Кровь в их жилах была достаточно прохладной, дабы должным образом остужать неуместные порывы. Доводы шакалов не убедили игуан окончательно, но масштабное противостояние требовало серьезных резонов.

Пара курьеров погоды не сделает.

Между тем единичные случаи переросли в опасную тенденцию, угрожающую стратегическому балансу и самому благополучию Мафии, потому как ресурсы одной истощались: усилия полиции, охранников и охотников за головами, тем паче безуспешные, обходились баснословно дорого. Чиновники, каковых среди клиентов Мафии имелось немало, с чрезвычайным сочувствием внимали сетованиям и причитаниям рептилий, однако, дальше этого дело не шло.

Сорквудистан трепетно, но отстраненно следил за злоключениями чешуйчатых наркоторговцев.

По обыкновению, стрелок явился без приглашения.

Город никогда не спал, – лишь делал вид, приманивая жертву.

Высокая тощая фигура шагала по ночным улицам, опасным и грязным, громоздящимся от горизонта до горизонта бесконечным зловонным лабиринтом, не имеющим выхода и лишаящим последних надежд. Строения громоздились одно на другое в тщетной борьбе за кусок чистого неба, но на всякого великана неизменно приходилась дюжина более огромных, угловатых и безобразных.

Крыши и балконы нередко смыкались над тесными полузадушенными улочками. Ветхие стены, тут и там не выдерживающие колоссального давления, испражнялись – прямиком на мостовые – горами красных кирпичей. Печные трубы торчали под неправдоподобными углами, бельевые веревки и телефонные кабели протянулись в наименее подходящих, казалось бы, местах.

Впрочем, это трущобы, занимающие не менее двух третей бесчисленных городских акров, населенные нищими и отчаявшимися представителями самых различных рас, – разумными и не вполне. Одиноким прохожий, разумеется, не мог не привлекать внимания разномастных хищников, те то и дело порывались оставить лежбища и темные проулки с неизменным намерением пощупать путника за мошну, но в последний момент их что-то удерживало, точно невидимая рука хватала за шкуру и втаскивала обратно в безопасную тьму.

Головорезы чуяли печенью: что-то с парнем неладно.

Его не узнавали: лицо скрывала тень широкополой шляпы. Ни оружия, ни бляхи также никто не заметил, однако пара шакалов уловила запах пороха (необычного, нездешнего, но было ли «где-то» еще – помимо Сорквудистана?..).

От странной походки, самой манеры держаться у бандитов мурашки пробежали по коже. Парень шел так, будто улицы пребывали в его единоличном владении.

Пара воришек увязалась было следом, растеряв интерес пару кварталов спустя – путник нигде не задерживался, ничем не интересовался, и, казалось, не ведал усталости. Поживиться за счет такого навряд ли удастся.

Город меж тем смыкался вокруг необъятной каменно-черепичной трясинной.

Наконец персонаж совершил весьма непопулярный выбор, – салун «Крысиная глотка», собственность некоего Клэтча. Путник поглядел на потрепанную вывеску и без колебаний вошел, причем по пути ему пришлось переступить бездыханное тело, растянувшееся аккуратно на пороге; субъект проделал это столь буднично, будто подобное для него – самое обычное дело.

Внутри было темно, смрадно и душно. Новый посетитель бегло изучил обстановку.

Все в его поведении выдавало человека бывалого, – Клэтч знал толк в опасных типажах и повадках оных, уж такова специфика его профессии. А вошедший, судя по всему, был чрезвычайно опасен, круче гребаного штопора.

Салун пустовал, лишь пара забулдыг сгорбились в углу.

Путник прошел напрямик к стойке. Клэтч, обладавший лицом порочным и в равной степени изможденным, изобразил приличествующую случаю подобию страстность.

– Виски, – бросил посетитель, усаживаясь на табурет.

Голос глубокий, хриплый, под стать внешности.

– На подходе, сэр, – кивнул Клэтч.

Рука в перчатке обхватила стакан, на мгновение тот исчез в тени шляпы. Когда емкость опустилась на стойку, Клэтч убедился, что выпивки убавилось изрядно.

Бармен открыл было рот, но посетитель сам оказался не прочь поболтать:

– Как дела?..

– Помаленьку, – осклабился Клэтч. – Местный, или как?..

– Или как, – ответил незнакомец, не поднимая головы.

– Я вроде тебя знаю, – деланно протянул бармен. – Забрел разок в наши места, верно?..

Из-под шляпы на Клэтча наконец-то воззрилась пара глаз с радужками странного оттенка – то ли желтого, то ли зеленого. Куда сильнее, впрочем, бармена впечатлил сам взгляд, – холодный, жесткий, точно стальная спица, проникающая под кожу и мышцы. Словно хищник оценивал жертву.

– Ты обознался.

– Что ж, – придя в себя, пробормотал Клэтч, – тебе понадобится много друзей. В особенности, если решишь задержаться. Но ты, вижу, парень и так дружелюбный. Меня зовут Клэтч, эта дыра принадлежит мне. А ты, стало быть?..

– Зови меня Снейк.

Бармен ухмыльнулся, кивнул. «Снейк, Снейк... – напряженно думал он. – Где-то я слышал это имя...». Знал Клэтч и то, что у человека определенных занятий имен может быть хоть миллион, – свое на каждый случай.

– Ладно, Снейк, чем могу помочь?..

– С чего ты взял, что можешь помочь?..

– Ну, сразу видно, ты парень ушлый, а потому небедный. Уж всяко мог опрокинуть чарку в пристойном местечке, с барышнями и музыкантами, – Клэтч повел рукой в сторону, – не жели в этом клоповнике. Но ты пришел сюда.

Снейк помолчал, шляпа качнулась:

– Говорят, ты знаешь все, что творится в округе.

– Не все, – Клэтч поспешил убрать с лица покровительственную улыбку, – но кое-какие вести и правду достигают этих самых ушей. Что примечательно, я охотно делюсь ими с любым желающим, при условии, разумеется, некоторых комиссионных. Ведь информация, как твердят те бестолочи из Подполья, – бармен презрительно фыркнул, – должна принадлежать народу.

– Комиссионные не заставят себя ждать. Что с игуанами?..

– Ящерицами?.. – Бармен моргнул. – У них почтенный, процветающий бизнес. Опиумные дома, теплицы, химикаты... В общем, за драгом – прямым к ним, не ошибешься. Среди клиентуры есть важные шишки, не чета местной шушере.

– Я слышал, предприятие их немного захирело.

– А, ты о курьерах?.. – Клэтч кивнул. – Да, есть такое. Путешествуют поодиночке, максимум парами, думали, кого бояться?.. Оказалось, кое-кого стоит. Переносили невменяемые горы наличности, вот и доигрались.

– Местные?..

– Нет, что ты. Никто, даже последний псих не притронется к деньгам ящериц. Последний, кто дал маху – лет эдак пятнадцать назад, – он, и все родичи... – Клэтч поморщился. – В общем, история давняя, лучше не будем.

– Тогда кто?..

– Поди разбери. – Бармен пожал плечами. – Игуаны с лап сбились.

– А деньги уходят.

– Да ты сам знаешь! Верно, курьеры обзавелись охраной, да не больно-то помогло.

– Что, и охрану?..

– Ну да. – Клэтч азартно тряхнул головой. – Ничего приметного, о чем можно сказать – косою разрез на глотке – работа Майка Портного, или – пуля в глаз, пуля в сердце – Пит Вывриглаз... Нет, ничего определенного, ни намек на профессиональный почерк. Напротив, скорее дело рук, лап либо клешней, толком не выучившихся обращению ни с лезвием, ни со стволом.

– Полагаю, касательно охраны обстояло по-другому?..

Клэтч с удовольствием признал, что Снейк ставит на редкость дельные вопросы. Большая нынче роскошь – разумные, цивилизованные собеседники.

– Ничуть. Матерые, натасканные псы. Кое-кто – бывшие копы, все с пушками.

– Воспользоваться не довелось?..

Бармен уставился в сумрак под шляпой. Очень, очень толковые вопросы.

– Верно. – Клэтч облизнул губы, навис над стойкой и понизил голос: – Ни разу не пальнули. Игуаны кудахтали, а потом строго наказали – той охране, что осталась – стрелять в любое существо, каким бы безобидным и невинным то ни показалось, пытающееся приблизиться к курьеру и его мешку.

– Разумно.

– А то. Знаешь, что случилось, да?..

– Думаю, деньги пропадали, курьеров убивали.

– Двоих на прошлой неделе. Ну, и вот... – Бармен многозначительно умолк.

Рука Снейка скрылась под плащом. Клэтч, оцепенев, почти воочию узрел вороненое дуло, огромное, способное поглотить его, Клэтча, целиком, – долгожданное возмездие за непотребно болтливый язык, однако, когда рука Снейка появилась над стойкой, в ней были зажаты всего-навсего деньги.

Пара банкнот, исторгнутых Казначейством Сорквудистана, – крупного достоинства, эквивалент недельного кутежа в столь фешенебельной ресторации, как «Крысиная глотка».

На одной краснела старая надпись – «Ты не раб».

Клэтч снапал деньги со стремительностью пираньи.

– Комиссионные, – донеслось из-под шляпы. – И первый взнос за постой.

– Прости?..

– Меблированные комнаты. В твоём салуне.

Клэтч прикинул, чреват ли неслыханно щедрый постоялец скорым обогащением, или, напротив, еще более скорыми неприятностями на его, Клэтча, тощую задницу.

Алчность традиционно перевесила.

– Имеется... Не сказал бы, что особо меблированные...

– Я не взыскателен.

– Тебе же лучше. Пойдем, поглядим, что к чему. Куда я подевал этот ключ?..

Снейк не сводил с него глаз.

– Мне бы не хотелось, – услышал бармен, – чтобы, как чрезвычайно информированная персона, ты делился с кем бы то ни было сведениями касательно МЕНЯ. Какие бы комиссионные тебе не сулили. – Клэтча передернуло от ровного, лишенного окраски тона, казавшегося страшнее любых воплей и угроз. – Я не имею ни малейшего отношения ни к игуанам, ни к их затруднениям, поэтому оставь домыслы при себе. Надеюсь, мы друг друга поняли.

– Конечно, нет проблем.

Клэтч нашел ключ и вышел из-за стойки.

Невзирая на деньги, ему меньше всего хотелось отправляться с жутким субъектом в пустые, темные «меблированные комнаты», но и выбора он не имел.

Клэтч пересек зал и поднялся по лестнице. Снейк беззвучно, словно призрак, следовал попятам. Бармен не слышал шагов, а потому то и дело озирался.

Одна из комнат более-менее годилась важному гостю. Выбирать приходилось между глубокой запущенностью и скорбным упадком. По крайней мере, было сухо.

Снейк изучил скудное убранство. Помимо продавленного ложа, обнаружили керосиновая лампа и – в изобилии – отслаивающиеся, рваные обои.

– В самый раз.

– Отлично. – Клэтч перевел дыхание, попятился к двери. – Вот ключ...

– Хотелось бы общества. Женского.

– Запросто!.. – ухмыльнулся бармен. – Чего-чего, а такого добра в округе пруд пруди.

– Я буду ждать здесь.

Не говоря более ни слова, Клэтч удалился.

Где-то над городом бушевала гроза. Шторм шел попятам.

Девушку звали Пэтти.

Высокий незнакомец взял ее нетерпеливо и жадно, – очевидно, долго перебивался. Пэтти не теряла времени даром, и, покуда трудилась над эрегированным членом, изучила клиента с головы до пят. Каторжных татуировок на поджаром, мускулистом теле не обнаружилось, в отличие от множества шрамов, оставленных, насколько Пэтти могла судить, самыми разнообразными орудиями, начиная клинком и заканчивая цепью. Имелись вовсе неприглядные, – не иначе, следы острых зубов. Пэтти не задавала вопросов.

Была еще пара особенностей.

Чешуйчатая рука, правая, отливающая радужной зеленью. Прилегающие одна к другой чешуйки, гладкие, но прочные. На пальцах – желтые когти. Ладонь бледно-розовая, мягкая, как тельце моллюска. Левая рука была нормальной, человеческой, но от контраста Пэтти еще больше становилось не по себе.

Впрочем, она была профессионалкой, привыкла иметь дело с сомнительными типажам. Пэтти украдкой поднимала глаза, и, пока рот был занят, изучала лицо.

Суровая, подержанная физиономия не блещущего красотой человека. В глазах – холод и средоточие сил. Возраст – расплывчат, как у всякой рептилии. Между двадцатью пятью и сорока. Во рту, к ужасу Пэтти – длинный раздвоенный язык, как у огромной прямоходящей змеи. Впрочем, клиент разумно держал его подальше от прелестей Пэтти, лишь пару раз пустив в ход.

Постоялец был вооружен. Два тяжелых, ручной работы (продолжительное общение с бандитским отребьем приучило Пэтти разбираться в опасных штуковинах) револьвера с рукоятками сандалового дерева. Оба лежали по бокам, так, чтобы владелец сумел добраться во мгновение ока – а он сумеет, Пэтти не сомневалась. Один оставался в кобуре, другой марал маслом простыни. Близость пушек, способных начисто снести голову, проститутку возбуждало.

Третья пушка незнакомца находилась прямо между ногами, и к ней-то Пэтти могла прикоснуться безбоязненно. Наконец семя окропило ее грудь и живот.

Клиент некоторое время лежал без движения, после чего рассчитался и указал на дверь.

Преисполненная впечатлений, Пэтти выскочила вон.

Точно плеть-девятыхвостка, молния рассекла небеса.

Грянул гром.

Клэтч выслушал донесение.

«Надо же, – думал он. – Его мать понесла от крокодила».

Бармен слышал о жутких бурях, прозванных Штормами Постоянства, что бушуют далеко на равнинах. Всякий бедолага, застигнутый подобным феноменом, со всей определенностью претерпит самых неожиданных метаморфоз. С равной степенью вероятности он мог стать писанным красавцем, кошмарным уродом или набивным диваном. Шторма не повторялись: жертвы меняли цвет кожи на лазурный, получали две головы вместо одной или вовсе лишались таковой; превращались в здоровенных свинопауков, либо у них отрастали бесполезные крылья, – Клэтч встречал в свое время пару несчастных.

Говорили, будто некие умельцы – алхимики, маги или другие психи, – наострились создавать Шторма искусственно, в лабораторных условиях, но Клэтч не верил этим рассказам. Ни копы, ни Парламент, ни муниципалитет не допустили бы, чтобы их драгоценный город подвергся перспективе превратиться незнамо во что, – только потому, что алхимик-недоучка по глупости перепутал колбы с чародейскими отварами.

Снейк пришел издалека, сразу видно. Возможно, с северной оконечности Сорквудистана, в это Клэтч поверил бы с большей охотой. Однако, бармен допускал и то, что во время странствий стрелок (судя по револьверам, увиденных Пэтти) угодил в Шторм, и, собственно, легко отделался – язык да рука, не критично.

Опасный и нелюдимый народ эти ганслингеры. Клэтч выслушал немало историй о похождениях знаменитых стрелков, таких как Джо Молоток или Брэт Пуля, но ни одной – о парне с раздвоенным языком и чешуйчатой рукой.

Говорили, искусству стрелка выучится несложно, нужно лишь уцелеть на протяжении десятилетий ученичества, и, как нетрудно догадаться, прикончить массу существ. Прежде они бродили по Пустошам, перегоняли скот и охраняли купцов, курсирующих между Сорквудистаном и портовыми городами. С появлением паровых караванов, способных за грош доставить сотню тонн груза на другой конец континента, эпоха ганслингеров подошла к концу.

Кто-то подался в бандиты, отправился искать удачи в дальних краях либо сгинул в недрах Сорквудистана, способного переварить самых несъедобных и жестких.

Клэтч не сомневался, что город переварит и Снейка.

Но сперва бармену хотелось узнать, что за игру тот затеял. Чешуйчатая конечность, интерес к делам рептилий – слишком нарочито для простого совпадения. Оба обстоятельства пре-

красно друг друга дополняли, как притертые, смазанные шестеренки старого, проверенного временем механизма...

Снейк продвигался к выходу.

Клэтч, как обычно, стоял на посту по ту сторону стойки.

– Далеко собрался, дружище?..

– Прогоуляться, – бесцветно ответил посетитель.

Минуту спустя Клэтч тянулся к телефонному аппарату.

В квартале от «Крысиной глотки» на крышу одного из строений ночью упал грозовой кальмар. Опора линии электропередач пробила мягкое туловище, искрящиеся провода рассекли добрую половину щупалец. В воздушном пузыре, пустом и дырявом, как старый чулок, болтался гарпун. Вероятно, охотники, парящие среди туч на своих дирижаблях, каким-то образом упустили трос, или бросок был изначально не самым удачным, – Снейк не очень разобрался в тонкостях этого ремесла, еще более специфичного, нежели его.

Как бы то ни было, с пробитым пузырем кальмар не мог использовать воздушные потоки, и весь его изрядный вес камнем полетел к земле. Окрестные жители собрались у подъезда и совместно решали, как быть с таким подарком судьбы. Полакомиться деликатесом желали все, но никто не собирался иметь дело с электротоком, и, соответственно, находящимся под напряжением кальмаром.

Снейк прошел мимо.

При дневном свете шляпа уже не скрывала лицо. Горожане тарасились на незнакомца. Расстегнутый плащ открывал всеобщему обозрению скрещенные ремни из сыромятной кожи, но висящие у бедер кобуры видеть не мог никто, если только любопытствующий не обладал воистину волшебным зрением.

Стрелок преследовал вполне конкретную цель; искал шакалов.

Благо, долго поиск не продлился. Район фактически принадлежал шакалам, хищной неразборчивой братии, незримо управлялся крепкими когтистыми лапами.

Снейк приметил заведение и направился к гостеприимно открытым дверям.

Ресторация «Казенный дом» носила следы запустения, но в сравнении с захудалым предприятием Клэтча казалась образчиком бессовестнейшего процветания.

Тому имелась причина, Снейк узрел ее тотчас, едва ступил внутрь – алчность, вооруженная когтями, клыками и сталью. Шакалы не останавливались ни на день, ни на минуту. Все, что попадало в сферу их интересов, приносило доход.

Ресторатор съезжился перед мохнатыми тушами, пытаясь втолковать мздоимцам, что неделя выдалась убыточная, а бизнес предельно рискованный. Шакалы поигрывали мускулами, но переходить от угроз к делу не спешили – малый доход лучше никакого.

Появление Снейка бандитов заинтересовало. Игнорируя взмокшего ресторатора, они проводили посетителя взглядами. Собственно, в зале гуляло эхо, но и в переполненном заведении ганслингер оказался бы в эпицентре внимания.

Усевшись за стол, Снейк взял потрепанное меню.

Усталая официантка получила заказ и отчалила восвояси.

Обед прибыл неожиданно быстро. Снейк неторопливо поедал грозового кальмара – тушеного с пряностями, – запивая пивом. Он не мог рассчитывать на успешное осуществление задуманного, но пообедать в любом случае стоило.

Впрочем, он держался столь непринужденно и независимо, что шакалы стерпеть не смогли.

– Эй, ты!.. – рыком, как подобает человекоподобному хищнику, окликнул гангстер.

Снейк трапезничал.

– Эй, в шляпе, я к тебе обращаюсь!..

– Прошу, оставьте его, – лепетал ресторатор. – Клиентов почти не осталось...

– Заткнись, – бросил бандит. – Слушай, парень, ты нарываешься!..

Шакал был абсолютно прав.

Кальмар пускал сок, расцветал многообразием вкусов.

– Ну все, урод, дождался. – Бандит двинулся к столику Снейка.

Остальные вразвалку топали следом, пока ресторатор, заламывая руки, причитал о посуде и мебели. Стрелок не отрывался от тарелки. Ножом и вилкой он орудовал прямо в перчатках, сидящих плотно, как вторая кожа.

– Эй, падаль, – прорычал шакал, нависнув над Снейком, – дай-ка на тебя поглядеть...

Когтистая, заросшая густым мехом лапа протянулась, чтобы сорвать шляпу. Стрелок не отпрянул, не отодвинулся. Неуловимым движением вонзил вилку в локтевой сгиб шакала, аккуратно в перекрестье артерий. Гангстер взвыл, наткнулся на стул и с грохотом рухнул.

Шакалы зарычали, шерсть встала дыбом и будто бы наэлектризовалась. Глаза мгновенно покраснели от набухших капилляров, клыки скрежетали и блестели слюной. На Снейка, впрочем, это не произвело впечатления.

Ближайший бандит выхватил нож, двое других тянулись за пистолетами.

В зале гроыхнуло, затем еще и еще. Снейка окутали клубы порохового дыма. Револьверы в его руках трижды изрыгнули огонь и металл. В черепах двоих шакалов зияли сквозные дыры, третьему пуля разорвала сердце. Оставался последний, в ужасе сражающийся с вилкой. Опомившись, достал пистолет, что было довольно глупо с его стороны, но, по правде, мощным интеллектом полузвери, полулюди не отличались.

Снейк усилием воли обуздал рефлекс. Вместо того, чтобы прострелить противнику голову – промеж глаз, это было почти неизбежно, он уловил образ внутренним зрением, – отвел револьвер в сторону. Пуля выбила пистолет из лапы гангстера, а заодно оторвала два пальца. Теперь ему не стать метким стрелком, да и ласкать самок будет не так удобно.

Бандит с воем прижимал к груди изувеченную кисть.

Вложив револьверы в кобуры, Снейк бросил на стол пару монет и вышел вон.

Ресторатор застыл с отвисшей челюстью.

Некоторое время стрелок посвятил довольно бессмысленному блужданию по округе, пока не убедился, что ему прочно сели на хвост. Лишь после этого он направился напрямик к «Крысиной глотке». Мальчишки-шакалы, в сущности своей еще щенки, следовали на почтительном расстоянии, то и дело сменяя друг друга на ведущей диспозиции, и, чтобы не примелькаться, регулярно перебегали на другую сторону улицы. Дело свое они знали, могли одурачить довольно многих, даже тертых копов, но Снейк их видел как на ладони – отражения в стеклах витрин и паромобилей, среди разноликой толпы.

В «Крысиной глотке» стрелок потребовал у Клэтча виски и уселся за дальний столик. Всякий вошедший в салун тотчас оказывался на виду, сам же Снейк был погружен в глубокую тень. Впрочем, его новые враги, как вскоре выяснилось, входить в уязвимое положение не имели вовсе никакого намерения.

– Клэтч!.. – донесся с улицы рык.

Бармен, безмятежно протиравший до этого момента стойку, всполошился.

– Что ты натворил?.. – зашипел он. – Это шакалы! У меня с ними что-то вроде перемирия, и вот, появляешься ты, создаешь головную боль!..

– Да, шакалы, – кивнул стрелок. – Но ты им даром не нужен. Их интересую я.

Клэтч обреченно застонал.

– Клэтч! – проревели снаружи. – У тебя наш враг! Он прикончил нескольких наших!..

– Убил шакалов?.. – бармен, казалось, не верил собственным ушам. – Когда, скажи на милость, ты успел?.. Нет, легко нам теперь не отделаться...

Снейк пожал плечами.

– Мы знаем, он внутри! – продолжал шакал. – Выдай его, или сожжем твою хибару!..

– Они подожгут салун! – запаниковал Клэтч. – Как пить дать, им ничего не стоит! А у меня ничего нет, только этот сраный салун, Снейк, ты должен что-то сделать, спаси меня, – тараторил бармен, – ведь это ты все заварил...

– Тихо, – бросил Снейк. – Сиди здесь и не высовывайся.

Он встал со стула и двинулся к выходу.

Клэтч затаился, приготовившись в любой момент нырнуть за стойку. Он обратился в слух, но разговоров не последовало. Прогремели выстрелы, один за другим, более громкие, чем пистолетные. Винтовочные или револьверные.

Бармен дрожал и обливался потом, не зная, что для него будет лучше – если шакалы убьют Снейка, или если Снейк прикончит пришедших за ним шакалов.

Стрельба прекратилась удивительно скоро.

Стрелок вошел в салун. Отброшенные полы плаща обнажали лежащие в кобурах револьверы.

Не говоря ни слова, Снейк поднялся в свою комнату.

Клэтч убедился, что на нем ни царапины.

Немногим позднее, когда волнение вокруг «Крысиной глотки» улеглось, а Клэтч пришел в себя, стрелок спустился в общую залу и купил традиционное виски – целую пинту в хрустальном графине с щербатым горлом.

Он-то рассчитывал, что ждать придется дольше.

В салун, тотчас оказавшись под перекрестьем пристальных взоров – Клэтч мгновенно напрягся, как лягушачья лапка под электроток, – вошли две ящерицы. Оба были облачены в добротные серые костюмы, скроенные таким образом, что хвосты, торчащие из прорезей в брюках, ничуть не портили фасон.

Морщинистые чешуйчатые шеи торчали из накрахмаленных воротничков, стянутых галстуками в полоску. Рты, лишённые губ, то и дело приоткрывались, когда языки рефлекторно пробовали воздух. Игуаны обвыклись в полумраке, осмотрели салун, и, минуя стойку с ошарашенным Клэтчем, двинулись к Снейку.

– Говорят, ты класный специалист, – сказал тот, что стоял справа от Снейка.

Стрелок не считал нужным отвечать на дурацкие вопросы.

Мафиози переглянулись.

– Ты – ганслингер, – повторил заход второй, – о котором все говорят?..

– Кто говорит?.. – спросил Снейк.

– Мало ли кто. – Первый пожал плечами. – Те, кто видел тебя в деле, и те, каких гораздо больше, кто услышал от них о тебе. Эта история распространяется буквально сейчас с невиданной скоростью, подобно вирусу.

– Ближе к делу.

– Ты расстрелял шакалов?..

Игуаны отодвинули стулья и без приглашения уселись.

– Звучит так, будто у меня был пулемет на станине. Каждый имел огнестрельное оружие, причем некоторые засели с винтовками на крышах. – Снейк глотнул виски. – А у меня – старомодные пушки с тяжелой отдачей, способные выпускать пулю за пулей соответственно тому, как быстро я нажимаю на спуск.

– Мы уверены, быстро. Ты же ганслингер. – Ящерица тряхнул складками на подбородке.

– А вы – торговцы опиумом. – Снейк знал, что игуаны не могут улыбаться.

– Верно. Нам нужна помощь.
– Вы кровожадны.
– С чего ты взял?..
– Вы явились, будучи уверенными, что я прикончил много шакалов. И, полагаю, требуемая помощь не имеет ничего общего с безобидными вещами вроде рукоделья или азартных игр. Вам нужно, чтобы я вымазался в крови к вашей выгоде.
– А разве не это, позволь спросить, – с присвистом протянул игуана, – у тебя выходит лучше всего?.. Вы, гангслингеры, умеете только одно – убивать.
– Верно, это у меня выходит. Встречали других?..
– Нет, в противном случае наняли бы его. Ты не больно-то стговорчив.
– Для чего я вам понадобился?..
– Кто-то грабит и убивает наших курьеров. Возможно, не в такой последовательности. Нам нужно, чтобы ты сопровождал пару наших ребят, пока мы не разберемся, что к чему, и не выйдем на след выродков. Что скажешь?..
– Скажу, что след едва теплится, раз уж вы стремитесь привлечь меня к охране, а не к тому, чтобы непосредственно навестить досаждающих мерзавцев.
– Это не твоя забота. Согласен?..
– Гонорар?..
– Тысяча за каждый рейс. Их будет столько, сколько потребуется, но поразмысли о том, что в итоге окажешься весьма состоятельным джентльменом.
– Кто сказал, что я джентльмен?.. – хмыкнул Снейк.
– Будешь торговаться?..
– Нет, сумма устраивает. Щедрое предложение, я бы сказал. Но что скажут ваши деловые партнеры, шакалы, когда узнают, что их кровный враг работает на вас?..
– Нам безразлично, что они скажут или могут сказать, – процедил другой мафиози. – Пока ты с нами, никто в Сорквудистане не посмеет тебя тронуть.
– Я бывал далеко за пределами города, и знаю, что мир – просторное место, куда больше Сорквудистана. Так вот, без моего позволения и там меня никто не смел тронуть. Что ж, по рукам. – Стрелок поднялся и снял перчатку.
Игуаны тарасились на чешуйчатую руку.
– Что-то не так?.. – спросил Снейк.
– Что с твоей рукой?..
– Мы неразлучны с рождения. Какие-то проблемы?..
Рептилии переглянулись.
– Нет, просто...
– Чрезвычайно редкое явление, – подхватил другой. – Мы удивлены, и только.
– Она тебя не беспокоит?..
– Разве что слегка, – нахмурился Снейк. – Убивает по собственной воле, чертовка. В остальном – рука как рука. Мастурбировать вполне пристойно.
– Не сомневаюсь. Откуда ты родом?..
Стрелок поглядел на одного, на другого.
– Вы, конечно, славные чешуйчатые ребята, но мы еще недостаточно знакомы, чтобы я утруждал вас особенностями биографии. Так что отвалите.
Мафиози поочередно пожали чешуйчатую руку.
– С вами свяжутся, – пообещал тот, что сидел слева.
Снейк кивнул. Ящерицы, как рекомендовалось, отвалили.

Связались несколько часов спустя.

Стрелок успел набраться дешевого пойла Клэтча, немного протрезветь и возжелать снова набраться, когда в салун явился юнец-игуана с депешей.

Депеша гласила:

«Полночь, Пятничный рынок».

Не успел Снейк прочесть три слова – буквы немного двоились, – как малец испарился.

– Что, ящерицы даром времени не теряют, а?.. – поддел Клэтч из-за стойки.

– Не твое дело. Лучше дай... воды с уксусом.

Стрелок по опыту знал, что уксус поможет прийти в себя. Кроме того, пребывая в здравом уме, он не стал бы пить в заведении такого рода, как «Крысиная глотка», обычную воду, не прошедшую элементарной дезинфекции.

– На подходе, мистер Работаю-На-Больших-Ящериц.

Снейк поморщился. Игуаны Сорквудистана в самом деле были большими ящерицами, как ни погляди. И, вне всякого сомнения, самыми богатыми рептилиями этого полушария планеты. В противном случае Снейк отправился бы в более приятное место, нежели этот темный, зловонный, переполненный психами мегаполис, любые джунгли в сравнении с коим – очаг взаимовыручки.

Ночь встретила стрелка распростертыми объятиями. На темном небе – ни облачка. Шагая по улицам, Снейк то и дело поднимал голову, поскольку привык к звездному шатру над головой. Нагромождение фасадов, балконов, труб, столбов, крыш и козырьков его угнетало. В сырых, переполненных падалью – состоявшейся и потенциальной – городских ущельях созерцание созвездий представляло проблему. Рассчитывать приходилось на рваные фрагменты.

Но вот Снейк увидел картину, какую нечасто встретишь на бескрайних Пустошах – степенно плывущий дирижабль. На носу и корме гондолы горели фонари, не столько иллюминации ради, сколько для того, чтобы избежать столкновений.

Во время операций полицейские нередко гасили огни, чтобы как снег на голову упасть с веревочных трапов и тросов на головы правонарушителей. Сейчас, очевидно, дирижабль следовал означенным курсом на плановом дежурстве.

Пятничный рынок представлял собой широкий перекресток, на котором – прежде по пятницам, ныне в любой день недели – в дневные часы бурлила оживленная торговля. Специи, заморские ткани, ковры, фрукты, безделушки и прочее.

Товары, прилавки и навесы были убраны в рундуки, крепящиеся один к другому цепями и запертые при помощи массивных навесных замков. Кроме того, по кварталу, где размещались лавки и мастерские, то и дело курсировали дюжие охранники с дубинками и сторожевыми собаками. Воровство на Пятничном рынке было весьма отчаянным, объективно безрассудным занятием.

Снейк принялся ждать.

Огромные механические часы на башне Парламента пробили полночь. Разумеется, стрелок не слышал звона, потому как находился далеко, но всякий житель Сорквудистана мог усомниться в законе всемирного тяготения, но ни в коем случае не в том, что часы Парламента пробили положенный час.

Гулкие удары подхватили часы поменьше, размещенные тут и там по улицам, даже в трущобах. Горожане любили знать, пришел ли срок очередного мерзкого дельца, или следует повременить. Снейк услышал отдаленный звон, доносящийся, очевидно, из недр часового механизма, что был так органично вмонтирован в витражи одной из штаб-квартир Гильдии Оружейников.

Стрелок не любил Сорквудистан, как не любят нечистого на руку родича, и все же знал город, помнил каждую улочку, где приходилось бывать.

Курьер не заставил себя ждать. Поскольку Снейк держался вне светлого круга, отбрасываемого фонарем, игуана мог переминаясь с лапы на лапу и тарашиться во тьму еще долго, но

стрелок ограничился тем, что на совесть оглядел вверенного ему субъекта: невысокий, молодой, судя по свежему цвету чешуи, в неброском коричневом костюме и черной сорочке, без галстука.

В лапах – это особенно интересовало Снейка – традиционный холщовый мешок. Мафиози, учитывая баснословный доход, могли переносить выручку в портфелях с атласной отделкой и золотыми вензелями, но традиция в том и состояла, что на протяжении столетий ящерицы использовали грубые мешки, и ничего кроме. Должно быть, именно в такой суме первый торговец опиумом притащил в берлогу выручку № 1, совершив первый в истории рейс.

Стрелок вышел на свет, курьер вздрогнул от неожиданности.

– Расслабься, теперь ты со мной, – сказал Снейк.

Игуана сощурился.

– Снейк, полагаю?.. Да, именно таков, каким описали.

– Рад, что не разочаровал. Может, отправимся в путь, или так и будем миндальничать?..

Вместо ответа курьер сдвинулся с места.

Они покинули Пятничный рынок и углубились в ломаную, изрезанную выступающими углами и фасадами улицу. За любым из архитектурных разломов могла поджидать засада. Впрочем, Снейк не чувствовал опасности, – долгие годы блуждания по лезвию бритвы вышколили интуицию, как породистую суку.

Еще не здесь. Скоро.

– Почему встретились не в начале маршрута?..

– У опиумного дома?.. Нет надобности. Моих... коллег не грабили в непосредственной близости объектов. Кроме того, боссы решили, что будет не очень разумно, если субъект вроде тебя станет крутиться у доходного заведения. Сам понимаешь, один твой вид способен отпугнуть массу клиентов.

Стрелок кивнул.

– Какого хрена тащимся пешком?..

– Такова традиция. – Курьер пошевелил роговыми наростами, заменяющими брови. – Только пешком. Вряд ли колесный транспорт спас бы шкуры сородичей.

– Дирижабль?..

– Вот еще. – Игуана щелкнул языком. – Я на эту штуку не полез. Мы рептилии, не птицы, значит, привычны к суше и воде, уж ни в коей мере не к тому, чтобы болтаться в подвешенном состоянии под пузырем с горючим газом.

– Для бандита ты на редкость разборчив, не говоря о красноречии, – заметил Снейк.

Он признал правоту собеседника – паромобили Сорквудистана на полном ходу способны развить скорость, едва ли превышающую темп толстяка, страдающего одышкой, но семенищего из-за всех сил. Конечно, богачи и торопыги, не испытывающие неприязнь к техническому прогрессу, без зазрения совести использовали собственный транспорт или платные экипажи, однако большинство населения привыкли полагаться на свои ноги, клешни и прочие конечности, что, учитывая ужасающие масштабы Сорквудистана, казалось свершениями сродни героизму. Как бы то ни было, паромобили и в самом деле не могли служить гарантией защиты ни курьерам мафии, ни кому-либо еще.

– Мы не простые бандиты, – не без гордости ответил игуана. – У нас своего рода корпорация со всеми сопутствующими атрибутами, как то: штаб-квартиры, приемные, ответственный персонал, ликвидные активы, многочисленные филиалы и гибкая этика. Мы не грабим, не убиваем, лишь предоставляем те товары и услуги, в которых клиенты нуждаются. Это не вполне законно, как тебе известно, но лишь по причине того, что закон не без изъяна. Когда-нибудь Парламент рассмотрит подготовленный нашими юристами законопроект. – Курьер тряхнул мешком. – В остальном деятельность Мафии вполне законопослушна. Что же мешает нам полу-

чать образование и общаться на должном культурном уровне, как пристало разумным существам?..

– Уверен, бизнесу это на пользу. Сколько наличности у тебя в мешке?..

– Я не уполномочен разглашать такую информацию. – Игуана с опаской поглядел на телохранителя. – Надеюсь, ты не замышляешь ничего эдакого, потому как должен предостеречь, что, рано или поздно, боссы тебя отыщут.

– Конечно, замышляю, но за свою шкуру можешь быть спокоен, – уверил Снейк.

– Это меняет дело.

– У вас, чешуйчатых пройдох, точно шило в одном месте, – сменил тему стрелок. – Зачем таскаться туда-сюда по городу с мешками несправедливо нажитой, несуществующей для закона наличности, если можно договориться с копами, чтобы те забирали выручку, скажем, раз в месяц на своих дирижаблях?..

Курьер поразмыслил.

– Мне не известно, что на уме у боссов, ведь я даже не капо, – так, мелкая сошка. Возможно, денег в мешке нет, а меня отравили для отвода глаз. Либо легавые заломили неуместную цену. Либо традиции, о которых я говорил, не подразумевают ни работу с копами, ни дирижабли в частности.

– Учитывая ситуацию, такая щепетильность – непозволительная роскошь.

– Согласен, – вздохнул игуана. – Ведь рисковать жизнью приходится мне.

– Полагаю, заглянуть в мешок откажешься?..

– Полагаю, да. – Курьер потрянул чешуйчатой головой. – Это против правил.

– Как знаешь.

Некоторое время шагали молча. Прохожие с любопытством глядели на странную парочку. Все узнавали в курьере курьера, в его ноше – Тот Самый Мешок, заполучив который любой из горожан прожил бы остаток жизни в богатстве и неге, вот только, незадача, она же жизнь укоротилась бы несоизмеримо.

Спутник рептилии, несомненно, телохранитель, вот только он один, и данный факт, сам по себе, говорил о многом. То ли его более чем достаточно, то ли других претендентов на столь рискованную работу не сыскалось.

Всякий ротозей приходил к тому или иному выводу, либо не утруждался вовсе.

Встречались и шакалы. Буравили взглядами исподлобья, что-то бурчали. Вся грандиозная шайка, несомненно, была уже в курсе касательно того, что Снейк заключил с игуанами контракт, а значит, становился до поры до времени неприкосновенным – безусловно, если шакалам остро не понадобятся военные действия в масштабах крупных преступных группировок.

А им не понадобятся. Хищникам-млекопитающим и хладнокровным рептилиям, откладывающим яйца в теплых комфортабельных квартирах, нечего делить.

– Долго еще?.. – буркнул стрелок.

– Пара кварталов. Наиболее опасный участок. Либо здесь, либо обойдется.

– Не обойдется, – заверил Снейк. – Шкурой чувствую.

Он действительно ощущал бегущие по коже мурашки, а кончики пальцев покалывало от скорого кровопролития. Он убивал множество раз, успел разобраться.

Как ни странно, улица опустела внезапно, без всяких на то предпосылок. Позади стихли шаги удалявшегося пешехода, и курьер с телохранителем осознали, что остались совершенно одни. Нагромождения старинной кладки высились по обе стороны, лишь недосыгаемо высоко, над смыкающимися балконами и водостоками мерцали окна верхних этажей. С другого конца улицы, куда парочка держала путь, надвигался густой липкий туман, вобравший если не все, то многие миазмы и ядовитые испарения Сорквудистана.

Снейк ощутил, как сдавило виски, боль пронеслась перед глазами белой вспышкой. Булыжники под ногами вдруг оплыли, устремились куда-то прочь степенным, но необоримым

потоком. Стрелок поднял глаза, стараясь не смотреть под ноги, усилием воли удержал себя в вертикальном положении. Курьер пошатнулся. Снейк схватил его за шиворот и бесцеремонно поставил на ноги.

– Эй, гляди, – протянул игуана, точь-в-точь наркоман под кайфом, – мои родные!.. Отец, мать, даже сестренка... Они-то в такую пору откуда?..

Стрелок со всей определенностью знал, что родным курьера здесь совершенно неоткуда взяться, но не проронил ни слова. Он видел собственных призраков.

Сперва то были три бесформенные тени, лишенные лиц, затем та, что в центре, с ужасающей непостижимостью оформилась в фигуру, имеющую как лицо, так и тело, воссозданные с достойной безумца скрупулезностью. Увиденное, однако, Снейка не впечатлило. Несмотря на застывшую сознание поволоку, он испытывал непоколебимую, армированную сталью уверенность в том, что повстречать этого человека в мире живых никоим образом бы не удалось.

Фигуры приближались.

Стрелок достал револьвер. Фигуры остановились, средняя простерла длань.

Снейк обнаружил, что на самом деле достал из кобуры не револьвер, а корнеплод, причудливо изогнутый наподобие ствола и рукояти. Корень был влажным, грязным, покрытым мерзкой слизью. Его так и хотелось отбросить.

Но стрелок не бросил.

Даже у корнеплода имелся спусковой крючок. Снейк стрелял разумом, не револьвером.

Три выстрела прогремели один за другим. В голове каждой фигуры образовалось сквозное отверстие, – сперва той, что в центре, затем других.

– Что ты наделал!.. – завопил курьер, бросившись на Снейка.

В истерике игуана даже выронил мешок. Повалить стрелка он не смог и лишь бестолково махал кулаками. Снейк звонко смазал по чешуйчатой щеке.

– Приди в себя, ты на работе!.. Это не твоя семья.

Ящерица замер.

– Я видел, то были они! Видел!..

– Ты видел то, что сам желал увидеть. Ты создал эти образы. Кто-то извлек их из твоей головы и вложил обратно. – Снейк сознавал, что это применимо и к нему.

Он поглядел на револьвер, вновь ставший револьвером, убрал в кобуру.

Мостовая прочно лежала на месте, не выказывая ни малейшего намерения куда-то смещаться. Поволока рассеялась, боль исчезла, будто и не бывало.

Но туман остался, и лежащие в нем тела.

– Куда ты?..

Снейк шагал в том направлении, куда летели его пули. Курьер помедлил, затем припустил вдогонку. До него не дошло, что этой ночью насчет разбоя можно не переживать. Грабители лежали в лужах собственной крови.

Стрелок склонился, разглядывая странных субъектов. Пули вошли в лоб, правую щеку и левый висок. Выходные отверстия, соответственно, на порядок больше, – жуткое зрелище. Облачены грабители были в черные плащи с наброшенными на головы капюшонами. У одного в руке пистолет – предохранитель на месте, – двое других сжимали ножи, каковыми, вне сомнений, мнимые родичи курьера без колебаний перерезали бы глотку и ему, и телохранителю.

Но их основное оружие состояло в другом.

Лица вполне человеческие, бледные и гладкие, способные принадлежать как мужчинам, так и женщинам. Снейк ощупал каждого – курьер брезгливо отшатнулся, – убедившись, что это все-таки мужчины. Стрелок испытал легкое, но облегчение. Убить женщину – совсем не одно и то же, что мужчину.

Три пары глаз остекленели и тарасились в вечность. Над переносицами выступали крупные, мягкие на ощупь бугорки. Под натянутой кожей нащупывалось что-то округлое и скольз-

кое. Не обязательно иметь ученую степень, чтобы догадаться – каждый из троих грабителей имел третий глаз.

Глаз, лишенный век.

Приблизившись, курьер ужаснулся:

– Это же... норны!..

Снейк не подал виду, что удивлен.

– Норны?..

– Ну да. Легендарный народец. Телепаты, похитители снов. Они считались мифом, страшной сказкой для непослушных игуан, но, оказывается, в Сорквудистане припасено еще немало секретов... – Курьер покачал головой.

– Судя по всему, забираться в головы других существ им помогает вот это?..

– Так гласят легенды. – Ящерица тарашился на третий глаз одного из грабителей.

– Понятно. Ладно, пойдём.

Они продолжили путь, оставив три тела на сырой мостовой. Вскоре послышались чьи-то торопливые шаги, из тумана вынырнули несколько ящериц.

Один из мафиози с тревогой оглядел курьера и – с особым тщанием – мешок.

– Вы в порядке? Мы слышали выстрелы, точно палили из гаубицы.

– Это мой провожатый, – ответил курьер. – Он честно отработал свои деньги. Там, дальше по улице, три трупы, вид которых вас изрядно озадачит.

– Хм-м... – Не пускаясь в дальнейшие расспросы, ящерица потрусил в указанном направлении.

Остальные сопроводили курьера и телохранителя.

Им пришлось вскарабкаться по узкой лестнице на террасу, углубиться в темный проулок, и, наконец, узреть ничем не примечательный фасад одной из цитаделей Мафии – серое здание, покрытое облупившейся известью, с массивной дверью и решетками на окнах-бойницах. Многое, однако, в Сорквудистане не являлось таким, каковым кажется на первый взгляд.

Снейк в том убедился, едва переступил порог. Вокруг, куда ни глянь, сплошь позолота, ковры, картины, статуи и фонтаны с прозрачной водой.

Скромность и воздержание осталось позади, в труппах, где перережут глотку за медяк.

– Спасибо, Снейк, ты спас мне жизнь, – поблагодарил курьер. – Твоя миссия окончена, а мне нужно идти. Возможно, еще свидимся, так что до скорого!..

– Ты говорил, как тебя зовут?..

– Нет, это против правил.

С этими словами курьер скрылся за одной из портьер в каком-то потайном ходу «для служебного пользования». Подле Снейка остался игуана с невозмутимо-почтительной мордой. Журчали фонтаны, где-то щебетали канарейки.

– Мои деньги?.. – не стерпел стрелок.

– О, сюда, прошу вас.

Мафиози сопроводил через анфиладу комнат, одна роскошней другой, к деревянной двери с резьбой и позолотой. Снейк пригнулся и без стука вошел.

Внутри, на паре дюжин атласных подушек, возлежал игуана в красном парчовом халате – вовсе не старый и не тучный, как можно было бы подумать.

Вполне могло статься, что это один из той парочки, что приходила в «Крысиную глотку», – для Снейка ящерицы были на одну морду, не различишь.

Какая-то шишка, капо, или даже босс.

Мафиози внимал кому-то, вещающему из поднесенной к голове телефонной трубки.

– Да, я понял, держите в курсе. – Игуана повесил трубку и повернулся к Снейку.

Провожатый закрыл за собой дверь.

– Мистер Снейк?.. Рад, очень рад встрече. Тем паче, что вы никоим образом не разочаровали, – не только сопроводили курьера, но и покарали негодяев.

– Я не стал бы подбирать такие термины. Опасность угрожала мне самому.

Стрелок поджал длинные ноги и уселся на одну из подушек.

– Угощайтесь, прошу. Вина?..

– Виски.

Мафиози наполнил стакан из большого графина.

– Вы правы, – сказал он, когда оба сделали по изрядному глотку, – опасность грозила вам обоим. Причем, насколько я могу судить, явная и почти неизбежная, учитывая тот факт, что прежде никому не удавалось уцелеть.

– Меня это греет, спасибо. С кем имею честь?..

– Филипп Грэм. Занимаемое положение отнюдь не непоколебимо и высоко, но удачным образом позволяет вести подобный образ жизни. – Ящерица повел лапой.

– И вправду, удачно. Стало быть, для денег эта остановка отнюдь не последняя?..

– Это не единственное наше хранилище, если вы об этом. Средства в той иной степени распределяются по районам, проходят учет и расходуются в зависимости от текущих нужд. Мы ведем обширную и многоступенчатую бухгалтерию.

– В свою очередь те, кого я убил, вмешивались в нее на первой стадии.

– Да, весьма грубо.

– Тем не менее, у вас имелись возможности избежать таких осложнений. Почему бы не расставить посты с охраной по всему маршруту, благо, он не столь велик?..

– Мы предпринимали попытки, мистер Снейк. Все тщетно. Мерзавцы наносили удар в наиболее уязвимое место, причем гибли не только курьеры, но и те, кто стоял на посту. Впоследствии привлечение охранников само по себе стало проблемой – никто не желал иметь с нами дело. К счастью, появились вы.

– Эти мудреные традиции, вроде необходимости ходить пешком, не шли делу на пользу.

Филипп пожал плечами:

– Проблемы убывают и прибывают, традиции же долго поддерживают нас на плаву.

– Сорквудистан непомерно велик, – заметил Снейк. – Налетчики, не располагающие обширной агентурой и целой армией шпионов, никогда не предугадали бы отдельно взятый маршрут, если только не имеется особой традиции.

– Нет, насколько мне известно. Разумеется, такая мысль посещала многих, и, признаться, мы начали искать утечку информации среди своих, но это привело лишь к взаимным обидам и созданию ненужных проблем. – Мафиози помолчал. – Но теперь, после совершенного открытия, все прояснилось.

– Я совершил убийство, не больше, и не меньше.

– Верно. Убитыми оказались создания, в существование которых мало кто верил. Существа, способные похищать из моего или вашего разума мысли подобно тому, как проворный карманник избавляет зеваку от кошелька!..

Снейк молчал.

– Прояснилось и то, отчего мы несли такие потери, почему никто до этой ночи не оказал убийцам подобающего отпора, хотя мы привлекали к делу опытных специалистов... Разумеется, среди них не было ваших... коллег, поскольку никому не посчастливилось встретить самого настоящего ганслингера.

– Я говорил, вы довольно удачливы.

– Поразительно, что вам удалось нейтрализовать троих, причем до того, как те попытались приблизиться!.. – продолжал игуана. – Если исходить из того, что нам известно о норнах – что мы о них слышали, – их воздействие на разум подобно наркотическому опьянению, вы испытали это, верно?..

Снейк кивнул. Он помнил зыбкие булыжники, и, главным образом, лицо.

– Если мы в чем и разбираемся, так это в наркотиках... Кстати, не желаете?.. – Филипп указал на две трубки, лежащие на серебряном подносе.

– Нет, благодарю.

– О, приветствую. Словом, в наркотиках мы доки. Не сочтите за грубость, но, полагаю, ваш разум оказался слишком инертен для столь грубого вмешательства. Вы пустили в ход рефлексy, и – дело сделано. Что скажете?..

– Скажу, что, вероятно, вы правы.

Высокопарная беседа на «вы», и эти «мистер Снейк» порядочно его утомляли.

– Я не склонен приписывать нынешний успех банальному везению, – разглагольствовал мафиози. – Вы не пали ниц и не собирали разрозненные крохи самообладания, не бродили по закоулкам собственного Я в поисках ответов... В чем бы ни состоял залог сего дара, – в устройстве ума, либо в многолетней практике, – держитесь за него, дражайший мистер Снейк...

Стрелок хотел было прервать излияния, но дверь отворилась, и в комнату скользнула юная ящерица – самка в миниатюрном прозрачном одеянии, не столь скрывающим чешуйчатые прелести, сколь выставляющим напоказ.

Девушка подала Филиппу некие бумаги и бросила на Снейка робкий взгляд.

Мафиози бегло просмотрел документы, удостоив некоторые небрежного росчерка.

– А как насчет?.. – спросил Грэм.

Снейк оглядел самку, прелюбопытные округлости, покрытые изумрудно-зелеными чешуйками, найдя увиденное не лишенным известной приятности.

– Нет, благодарю.

– Не смешиваете работу и удовольствие?.. – Филипп вернул документы и отослал самку.

Стрелок проводил взглядом гибкий, мускулистый хвост, у основания которого располагалось влагилице, необычайно, если верить слухам, тесное, теплое и скользкое, способное расширяться и сжиматься по воле хозяйки.

Чтобы отвлечься, Снейк переключился на другую, крайне интересную его тему:

– Где деньги?..

– Ах да. – Ящерица сунул лапу под подушку.

Стрелок принял пухлый конверт, взвесил на ладони и сунул за пазуху.

– Не пересчитаете?..

– А нужно?..

– Так принято.

– Я вам верю, – солгал Снейк.

– О, благодарю. – Мафиози издал гортанный звук, заменяющий игуанам смех. – Впрочем, обманывать вас и в самом деле было бы ужасной глупостью.

– Намерены прибегнуть к моей помощи в дальнейшем?..

– Кто знает?.. Не мне решать. – Грэм пожал плечами. – Не думаю, что норны отступят. Если уж в ограблениях участвовали трое, не один и не двое, стало быть, они не так малочисленны, как можно было бы предположить. Во всяком случае, речь идет не о паре... особей, а о популяции.

– Теперь вы знаете, с кем имеете дело. Это что-то изменит?..

– Не думаю. – Игуана поразмыслил. – Конечно, мы проинструктируем охрану насчет внушения и знакомых им до боли образов, но подобные попытки уже предпринимались. Не могу ничего обещать, но здравый смысл говорит о том, что это не последний гонорар, мистер Снейк. Вы нам очень нужны.

– Лично вам?.. – хмыкнул стрелок.

– Мне также – в общем контексте, крошечной шестеренке большого механизма.

Снейк понял, что преуменьшением это не являлось.

Без крошечной, но важной шестеренки в большом и сложном механизме все пойдет вразнос.

– Почему бы не разобраться одним махом с популяцией?..

– Как я говорил, решать не мне, хотя я и не сторонник жестких методов. – Хвост, покоившийся прежде на мягких подушках, беспокойно дернулся. – Вы подразумеваете геноцид – истребление целого народа, сколь бы враждебным по отношению к Мафии тот ни являлся. Народ сей уникален и не изучен, его значение для науки огромно. В дело наверняка вмешаются политики.

– Хищные бестии ищут, чем поживиться. В любом случае ваши проблемы будут решены.

– Возможно, – кивнул Филипп и ушел от темы: – Скажите, а нельзя ли взглянуть на вашу правую руку?.. Мне говорили, она весьма любопытна, весьма...

– С чего бы?..

– Прошу вас.

Снейк нахмурился, но стянул перчатку. Мафиози уставился на чешуйчатую кисть, причем на морде появилось то же выражение, что и у двоих в «Крысиной глотке».

– Достаточно?.. – стрелок надел перчатку.

– Понимаю, вы смущаетесь. – Игуана глядел с прищуром. – У моего интереса есть причины, мистер Снейк. Как и у заинтересованности всего племени.

– Какое отношение я имею к игуанам, МИСТЕР Грэм?..

– Может статься, никакого вовсе.

– Среди моих предков игуан не встречалось. Как и людей, достойных уважения.

– Занятно, что вы так говорите. Мы, игуаны, чтим предков, но оказались беспомощны пред лицом опасности. – Блуждающий взгляд Филиппа упал на кобуру и торчащую из нее рукоять револьвера. – Жуткие, старинные штуки.

– Безусловно, – подтвердил стрелок. – Мне кажется, суть опасности мы уже выяснили.

– Да, ваше содействие непостижимым образом совпало с фольклором Сорквудистана...

Если желаете, я готов изложить в двух словах самую суть.

– Валяйте.

– Пророчество гласит...

– Только не это. – Снейк покачал головой. – Как-то я ввязался в дельце с пророчеством, с тех пор меня воротит от любого упоминания подобной чуши.

– Тем не менее, вы изъявили согласие выслушать. Пророчество гласит, – с нажимом повторил мафиози, – что под городом спят огромные, чудовищные Хозяева, чья кровь холоднее льда, а броня крепче стали. Однажды придет странник, наполовину человек, наполовину рептилия, и разбудит Хозяев. По их воле раса игуан вернет подлинное величие, и станет править миром.

– Считаете, тот странник – я?..

Грэм пожал плечами.

– Не думаю. Вы больше похожи на человека. Кроме того, я уже давно вышел из того возраста, когда верят в подобную, как вы подметили, чушь. Пророчество призвано придавать игуанам силу в тяжелые времена, и только.

– Разумно, – одобрил Снейк.

– Ну а если в недрах Сорквудистана, помимо прочего, в самом деле заточены огромные ящеры – уверен, там не счесть всякой всячины, да и кто я такой, чтобы давать чему-либо окончательную оценку?.. – пробуждение колоссов если не разрушит город до основания, то нанесет ему непоправимый ущерб. Это повредит бизнесу, а меня заботит лишь процветание оногo.

– Ясно. – Снейк осушил стакан. – Что ж, мне пора.

– Должен признать, не ожидал, что представитель вашего сурового ремесла окажется столь словоохотлив. Мы чудесно поболтали, мистер Снейк.

– Ваше виски не идет в сравнение с пойлом, коим меня потчует Клэтч.

– Если боссы сочтут, что по-прежнему заинтересованы в ваших услугах, и вы соблаговолите продолжить сотрудничество, прольются целые реки.

– Это чересчур.

«Одного ли виски?..» – спросил себя стрелок.

– С другой стороны, крайне важно, чтобы вы поддерживали форму.

– Я умею держать себя в руках, – ответил Снейк. – Полагаю, вы убедились.

– Конечно. Если начистоту, теперь вы можете позволить себе куда более пристойные апартаменты, нежели та пропахшая клопами дыра, «Крысиная глотка». – Игуана доверительно понизил голос: – Должен предостеречь насчет этого Клэтча. Он нечист на руку, и у него неприлично длинный язык.

– Который привел вас ко мне, не так ли?.. – Снейк поднялся на ноги. – Но благодарю за заботу. Если понадобится, вы знаете, где меня искать.

– Всего хорошего, мистер Снейк.

Стрелок покинул мафиози, оставшегося возлежать на груди подушек, и в одиночестве прошествовал к выходу. К сожалению, юная ящерица ему не встретилась.

Охранники отворили дверь.

Снейк запахнул плащ и отправился в обратный путь к «Крысиной глотке».

Клэтч атаковал у порога:

– Как прошло? Прикончил кого-нибудь?..

– По-твоему, стоит выйти за порог, как непременно кого-то прикончу?..

– По правде сказать, присутствует такая особенность, – ухмыльнулся Клэтч. – Но ты жив, и от тебя пахнет порохом. – Бармен всосал воздух в широкие ноздри. – Еще пуще, чем обычно. Вот я и предположил, что тебе...

– Тайна работодателя, – отрезал Снейк. – Я не имею права об этом говорить.

– Кто это был? Шакалы?..

Стрелок шагал к лестнице.

– Молчи, молчи. Завтра об этом будут трубить на каждом углу, – заверил Клэтч.

– В таком случае, наберись терпения, – посоветовал Снейк.

Он прошел в комнату и растянулся на кровати, положив револьверы по обе руки.

Снов стрелок не видел.

«Гребаные пророчества?.. Ладно...»

Наутро Сорквудистан гудел, точно улей.

Как, впрочем, всегда.

Громких новостей было множество: начиная очередной заварушкой, устроенной попугаями-мятежниками, борющимися за независимость одного из юго-восточных районов, и, собственно, заканчивая тем, что курьеров Мафии убивали и грабили не кто иные, как мифические норны. Ничто, однако, из стремительно распространяющихся слухов не повлекло особого ажиотажа, никоим образом не поколебало обыденного состояния горожан, варьирующегося от безразличия к ожесточенному желанию выжить. Им и не такое доводилось слышать. Что до норн, то какое это отношение имело к ним, обывателям?.. Богачи становятся богаче, бедняки гибнут, планета кружит по орбите.

Все идет своим чередом.

И только постоялец «Крысиной глотки», стрелок с чешуйчатой рукой, пребывал в приподнятом настроении. Он знал – затея удалась и близка к кульминации.

Когда двое ящериц, появившихся давеча, вошли в полумрак салуна, ни Снейк, ни Клэтч ничуть тому не удивились. Мафиози нашли стрелка за прежним столом.

– Ты хорошо поработал, – сказал один. – Мы вновь нуждаемся в твоих услугах.

Снейк пил пиво, но игуаны, судя по мордам, сочли его горьким пьяницей.

– Что ж, джентльмены, тем лучше. Но цена выросла.

Мафиози переглянулись.

– Сумма и так была баснословной, – заметил другой. – Мы оговорили, что за каждый рейс ты будешь получать ровно тысячу!.. Уговор есть уговор.

– Обстоятельства изменились.

– Можно узнать, какие именно?..

– Мы в самом деле подверглись нападению.

– Разве не на этот случай ты был приставлен к курьеру?..

– В придачу оказалось, – продолжил стрелок, – что нападающие – не самые обычные существа.

– Это не помешало тебе с ними разделаться.

Клэтч развесил уши, и не скрывал того.

– Да, но ни я, ни вы не могли знать, что так случится. В следующий раз может быть по-другому. Эти ваши норны смекнули, что их штуки не так уж действенны, и наверняка изберут другую тактику. Следовательно, вырос и риск.

– Хорошо. Сколько?..

– Две.

– Две тысячи?.. Смехотворно. – Игуана щелкнул безгубым ртом.

– В следующий раз запросишь десять?..

– Хотите проверить – приходите в следующий раз.

Мафиози помолчали, бессловесно уславливаясь.

– С тобой свяжутся.

Рептилии удалились.

– А ты молодец!.. – воскликнул Клэтч. – Самый ушлый из моих постояльцев!..

– Стараюсь.

– Слушай, а каково это – ну, когда те твари залезли тебе в голову?..

Бармен приблизился.

– Да об этом весь город знает, – усмехнулся он, сообразив, что стоит под прицелом жутких глаз постояльца. – Твои работодатели не шибко-то держат языки за зубами. Вчера ты не смог сходить по большому, а утром об этом знает весь Сорквудистан!.. Ну, каково это было, признавайся!..

– Ничего особенного. Будто покурил опиума и видишь то, чего нет на самом деле.

– Они посылали в голову картинки, да?.. – Клэтч плотоядно облизнулся. – Надеюсь, что-то непристойное? Нагие красотки, совокупающиеся с оленями?..

Снейк пристально на него посмотрел.

– Что-то вроде того.

– А конкретнее?..

– Если хочешь, можешь составить ночью компанию – мне и курьеру, сам поглядишь.

– Я что, похож на идиота?.. – Клэтч нырнул за стойку. – Нет уж, дудки.

Какое-то время он сосредоточенно протирал стаканы, но все-таки не утерпел:

– А правда, что они слепы, как кроты, и их водят за собой крошечные лысые орангутанги?..

– Кто?..

– Да норны!..

– Ты что-то принял с утра?..

– По правде сказать, да. Так это правда?..

– Конечно. Откуда узнал?..

Клэтч углубился в полировку посуды, и засим беседа исчерпала себя.

Позднее в «Крысиную глотку» примчался тот же мальчишка-игуана, доставив депешу с традиционно лаконичным, но несколько иным содержанием:

«Полночь, у хранилища».

Судя по всему, речь шла о хранилище, где Снейк угощался отменным виски, поскольку местонахождение других он не знал, и ящерицы в том не сомневались.

– Привет друзьям-телепатам, – прокомментировал Клэтч.

– Притащить орангутанга?..

Клэтч пробубнил что-то неразборчивое.

Курьер вышел из хранилища с печально известной сумой.

– Это ты?.. – сощурился Снейк.

– Мы не знакомы, мистер Снейк, если вы об этом.

– Завязывай с этим «мистер», парень, если тебе жизнь дорога.

– Как угодно... сэр.

Рейс прошел в молчании – курьер точно воды в рот набрал, да и стрелок не имел желания трепать языком. Он смотрел в оба, но ни трехглазых норн, ни насылаемых ими образов, предварительно похищенных непосредственно из разума жертвы, не обнаружил. Ему, человеку без прошлого, лишенному имени и жестоко выжженному изнутри, никогда не составляло труда отличить реальность от фальшивки, пусть даже правдоподобной без меры.

Курьер будто бы был разочарован, когда они беспрепятственно достигли пункта назначения – хранилища подобного прежнему, но не с простой, а патентованной дверью Кауфмана, снабдившего толстые стальные створки паровыми компрессорами мощностью в пять лошадиных сил каждый. Однако, они натужно стонали и свистели, силясь совладать с титанической дверью.

Переступая порог, Снейк подумал, что, если с механизмом что-то случится, он будет заточен в хранилище до конца своих дней, и ему в конце концов придется есть игуан, как ни омерзительно по слухам их мясо на вкус.

Курьер, не попрощавшись, исчез разом с грузом наличности, но к Снейку подскочил лакей – мальчишка, как две капли воды похожий на посыльного.

В лапах ящерица держал поднос. На полированной поверхности покоились три предмета: солидно весомый конверт, стакан с виски и сложенный вдвое листок.

Снейк убрал конверт, глотнул виски и развернул записку:

«Снаружи, немедленно».

Стрелок выждал пару минут, пока не ополовинил стакан, и лишь после проследовал к выходу.

Патентованная дверь не подкачала, со свистом компрессоров впусив ночную прохладу.

У крыльца дрожал, гудел и пыхтел массивный паромобиль с широким парусиновым тентом, натянутым над угловатой кабиной. За рычагами управления и на одном из пассажирских мест расселись чешуйчатые работодатели.

Во всяком случае, весьма на них похожие субъекты, хотя Снейк бы не поручился.

– Заведение Клэтча набило оскомину?.. – буркнул стрелок, вскарабкиваясь на сиденье.

Мафиози не ответили. Водитель тронул рычаги; машина содрогалась, точно живая. Паровой котел, расположенный за спиной Снейка, бурлил и свистел, стравливая избыток мощности. От такого соседства стрелок чувствовал себя не в своей тарелке. Нередки были случаи, когда старые котлы взрывались без видимой причины, обдавая все кругом кипятком и шрапнелью.

– Куда едем?..

– Босс хочет тебя видеть. У него к тебе дело, – вполоборота бросил игуана-пассажир.

– Какое?..

– Скоро узнаешь.

– То, что норны не встретились – не мои проблемы, – перекрикивая рокот котла, известил Снейк.

– Не важно.

Некоторое время они тряслись по узким улочкам со скоростью, самую малость опережавшую быструю ходьбу, причем дважды паромобиль совершал остановки, чтобы игуаны могли подбросить в топку очередную порцию дров, аккуратная поленница коих была стянута ремнями подле свистящего агрегата.

Стоило ли говорить, что Снейк запоминал дорогу. За пределы трущоб они так и не выбрались. На это, впрочем, при таком темпе ушла бы пара суток.

Берлога босса скрывалась за усеянным шипами забором.

Охранники пропустили экипаж за ворота, в тесный двор, стиснутый домами с замурованными окнами – точно туши с испещренными шрамами серыми шкурами. Мгновение земля содрогалась и норовила уйти из-под ног, но ни норны, ни иллюзии были не при чем. Всему виной лишь дурацкий паромобиль.

Строение, обращенное фасадом к вратам, насчитывало пять этажей. Парадная гостеприимно ждала, но игуаны сопроводили Снейка к решетчатой клетке лифта, стоящей здесь же, у крыльца. Стрелок вошел, двери с гудением сомкнулись. Лифт начал подъем, раскачиваясь, будто под порывами шквального ветра. Фигуры игуан уменьшались по мере того, как клетка оставляла внизу этаж за этажом, а у Снейка все больше перехватывало дыхание.

Едва лифт, дернувшись, остановился, как в фасаде распахнулся ярко освещенный проем. Створки дверей, расположенные в стене самым неуместным, казалось бы, образом, явили взору Снейка коридор и дюжих ящериц-охранников.

Последние, вооружившись чем-то вроде багров, притянули болтающуюся клетку.

Стрелок переступил через пропасть, рискнув отказать от услужливых лап.

– Сюда, мистер Снейк.

Стрелок нетвердой походкой двинулся за игуаной, чей мощный хвост изгибался из стороны в сторону при каждом шаге. Основательная дубовая дверь распахнулась, – Снейк к собственному удивлению оказался под открытым небом.

Точнее, и это выяснилось мгновением спустя, под прозрачным куполом, за коим простирался ночной небосвод, стиснутый, тем не менее, с юга и запада архитектурными массивами. Прямо напротив входа, у изломанного горизонта, в окружении низкорослой паствы, чернели характерные линии Парламента.

Стеклянные плиты крепились в металлических рамах, местами тронутых ржавчиной. В террариуме – то был именно террариум, ничто иное – было жарко. Тепло, накопленное за день, с неохотой покидало стеклянную обитель.

Снейк принялся стаскивать плащ.

– Сэр, прошу сдать оружие, – сказал охранник, по-прежнему находившийся рядом.

Стрелок не поверил собственным ушам. С тем же успехом ящерица мог потребовать обе руки.

– Что?! Вы подняли меня в своей лохани, чтобы ставить невыполнимые условия?.. – прошипел он, высунув змеиный язык. – Мое оружие останется при мне, или я не задержусь здесь ни на миг!.. Выбор за тобой, приятель.

– Все в порядке, Джон, – раздалось из глубины террариума.

Охранник испарился.

Снейк сделал несколько шагов по песчаному полу, усеянному круглыми, отполированными морем камнями. Тут и там вздымались мясистые кактусы.

Воистину, Сорквудистан таил прорву потаенных чудес.

Посреди живописного уголка пустыни, как ни странно, имел место вполне традиционный кабинет, способный принадлежать ученому или чиновнику. Дубовый стол с лампой под зеленым бра, письменные принадлежности, пара кресел, ряд стеллажей, под завязку забитых потрепанными фолиантами.

Обитатель террариума, и, в частности, кабинета, едва виднелся из-за стола: древний, скрюченный игуана, чья шкура пожелтела и обвисла складками, а спинной гребень походил на изжеванные водоросли. На чешуйчатом носу уместно блестели круглые стекла очков. Глаза покрывала белесая пленка, однако вертикальные зрачки уверенно взяли прицел на вошедшего.

– Я – Юлиус Гроан, – представился старик неожиданно твердо. – Вы, полагаю, Снейк.

Последнее было утверждением, лишенным малейших вопросительных ноток.

– Вы – большой босс?.. – спросил стрелок.

– Нет, но мы знакомы. Это что-то меняет?..

– Решительно все. Будь вы главным, я бы вас убил, и прибрал к рукам бизнес.

– О, это вряд ли бы вышло. Мы, знаете ли, довольно консервативны. Мафия рептилий получила свое название благодаря тому, что в ней состоят исключительно рептилии. Присаживайтесь. – Гроан указал на свободное кресло.

Снейк уселся.

– Что ж, создадим прецедент. Ваши сородичи считают меня мифическим странником, призванным прервать сон Хозяев. Стало быть, отчасти я рептилия.

– Это верно в той же степени, сколь справедливо и то, что вы – человек. Кому дано разобраться?.. – Старец пожал куцыми плечами. – Как бы то ни было, я организовал встречу не единственно ради того, чтобы толковать пророчества. Коль вам суждено пробудить Хозяев, это случится в отведенный срок. А до тех пор мы намерены использовать другие ваши таланты.

– Переправлять сомнительных персон на тот свет?..

– Мне сообщили, это выходит у вас удивительно ловко.

– Охрана – куда ни шло. С чего вы взяли, что я возьмусь убивать по указке?..

– О людях столь редкого ремесла, как ваше, известно не многое, но разве трое ганслингеров не сколотили в одном из городов синдикат, державший в страхе побережье, и разве Лейв Кашалот не устроил в том же городе жуткую резню, когда отчисления от общей кассы его перестали устраивать?..

Снейк кивнул.

– Да, все так. Мы – народ беспринципный и жестокий. Я и вправду убью по заказу, сойись бы в цене. Кто же встал поперек глотки?.. Шакалы? Копы?..

– Норны, – с отвращением выдавил Юлиус. – С прочими паразитами мы худо-бедно справляемся. Но трехглазые твари наводят на нас подлинный ужас.

– Мне, к примеру, не по себе от банковских клерков и мимов, но я не перевожу патроны ни на тех, ни на других, – заметил Снейк с ухмылкой.

– Вероятно, потому, что вам за них не платят. В противном случае в банковском деле настали бы любопытные времена, мистер Снейк, – парировал Гроан.

– Пожалуй. Я кое-кого прикончил. С чего вы взяли, что остались другие?..

– С того непреложного факта, мистер Снейк, что легенды о норнах живут дольше самого Сорквудистана. Как вы доказали опытным путем, они не бессмертны. Следовательно, в популяции на протяжении столетий имело место размножение. Поскольку они не выродились в нечто непотребное, и, как мы с точностью знаем, обладают изрядной долей предписываемых способностей, популяция весьма многочисленна. По крайней мере, была таковой.

– Кто-то давеча мне говорил, народ сей уникален и не изучен, его значение для науки огромно. Сообразно плану, я должен стать массовым убийцей?..

Старый мафиози поднял палец с корявым когтем.

– Убийцей – безусловно, но лишь тех, кто попытается вам воспрепятствовать. Цель миссии – я бы сказал, экспедиционного корпуса из одного человека – основана на несколько иных устремлениях, нежели тотальная бойня. Хотя, должен признать, по моему убеждению вы и с этим бы справились.

– Благодарю, – сказал Снейк сухо. – Что за цель?..

Игуана открыл одну из лежащих на столе книг, придвинул к посетителю.

Стрелок взгляделся в гравюры.

– Город норн был создан из чистейшего хрустала, – пояснил Гроан.

Снейк видел хрустальные башни.

– Они изучали науки, неподвластные нашему разумению, практиковали искусства, выходящие за пределы нашей фантазии. Норны обладали колоссальной психической энергией, но, вместе с тем, были миролюбивым народом.

Стрелок видел лаборатории с неизвестными приборами и студии с рукотворными радугами.

– А потом пришли поселенцы. Люди – в первую очередь люди – похожие на вас, жестокие и сильные, безразличные к прелести иллюзий. Они разрушили башни, а на их месте основали Сорквудистан, который впоследствии облюбовали прочие расы – попугаи, скорпионы, мы, игуаны, и остальные...

Снейк видел, как рушатся хрустальные башни.

– Но норны уцелели. – Юлиус зашуршал страницами. – Они пустились в бега, возглавляемые своей королевой, и, когда город разросся до таких масштабов, что обитатели окончательно погрязли в собственных заботах, утратив всякий интерес к тому, что творится в мире, – изгнанники вернулись.

Стрелок видел фигуры в капюшонах.

– Они просочились в городские кварталы, в глухие трущобы – полагаю, это было нетрудно, – отводя любопытным глаза, внушая ложные образы. Их вела Королева, самая могущественная из всех, но приближающаяся к закату жизни.

Снейк видел восседающую на троне женщину-паука с четырьмя руками и пятью глазами – две пары размещались на лице симметрично, пятый глаз горел во лбу, – прекрасную и омерзительную, как ядовитая змея, внушающую трепет.

– Ее сила была столь невероятна, что даже подданные-норны не могли отличить реальность от созданной Королевой иллюзии. Так, по крайней мере, говорят легенды, – счел нужным пояснить мафиози. – Норны не желали ее потерять, и последние ученые создали некий саркофаг – не могу сказать, как и за счет чего он работал, – погрузивший правительницу то ли в транс, то ли иное состояние, при котором всякий метаболизм превращается в простую условность. Иными словами, Королева одновременно спит и бодрствует уже многие столетия – где-то здесь, в Сорквудистане, но пуще прочего удивляет то, что все это, оказывается, происходило на самом деле.

Гроан захлопнул книгу.

– Ну и?.. – спросил Снейк.

– Боссы желают, чтобы вы, мистер Снейк, содействовали нашему с норнами союзу.

– Так вы хотите перемирия, не мести?..

– Зачем варить бульон из курицы, несущей золотые яйца?.. Это и будет отмщением.

– Довольно мудрено. А точнее?..

– Пробежитесь в логово норн, убейте тех, кого не удастся обойти, и захватите Королеву в заложницы. Доставьте нам. За работу получите щедрую плату.

– Не сомневаюсь, но зачем вам старуха?..

– Мы, мистер Снейк, продавцы грез, причем весьма умелые и дальновидные. Сперва мы имеем товар – его физическую составляющую – из которой любой желающий, заплативший требуемую сумму, получит необходимую порцию грез.

– Вы говорите о наркотиках так, что любой поэт позавидует.

– Но с норнами, мистер Снейк, мы сможем извлечь чистую прибыль. Не тратиться более ни на товар, ни продажных полицейских, ни на что-либо еще. Более того, сей наркотик безопасен и легален, не вызывает ни осложнений со здоровьем, ни зависимости, – за исключением, пожалуй, мнимой.

– Живые кальяны, шприцы и трубки. Живое зелье.

– Вот именно, мистер Снейк. И его добудете ВЫ.

– Но почему Королева, не парочка подданных?..

– С нею мы получим все козыри, – глаза рептилии сверкнули. – Норны не посмеют спорить с теми, кто распоряжается судьбой их богини. Время покажет – оставим ли Королеву у себя, создавая грезы с ее помощью, или приютим несколько трехглазых сироток. Либо, что вероятно, и то, и другое разом.

– Понятно. Ее саркофаг, полагаю, весит изрядно, на себе я его не утащу.

– Вы получите грузовой паромобиль с лебедкой. Благодарю, что напомнили. – Гроан снял трубку телефона. – Да, согласен, потребуется транспорт.

– Если не ошибаюсь, согласия я не изъявил.

– И не отказались, верно?.. Гонорар составит тридцать тысяч.

– Пятьдесят.

Игуана выпучил глаза, попытался тряхнуть спинным гребнем.

– Вы сознаете, КАКИЕ это деньги?..

– А ВЫ сознаете, какому риску я подвергнусь?..

Юлиус притих.

– Не будь мы столь могущественной корпорацией, о подобной сумме вы слышали бы только на уроках арифметики, мистер Снейк. К счастью, меня уполномочили на ведение подобных торгов. Вы получите пятьдесят тысяч в обмен на Королеву.

– По рукам.

Крепкая чешуйчатая рука пожала дряблую, старческую.

– Прошу приступить нынче же, мистер Снейк.

– Что за спешка?.. Королева томилась сотни лет, подождет еще немного.

– Это решать не мне и не вам. Боссы поставили условие, действуйте без промедлений.

– Где искать популяцию?..

– Ответ – в фольклоре, который я вкратце изложил. Как ни странно, в собраниях мифов и легенд... – Гроан открыл другую книгу, написанную на том же незнакомом Снейку языке. – Сказано, что норны пробирались в трущобы – ПЕРВЫЕ трущобы Сорквудистана, остающиеся таковыми до сих пор...

– Это жуткая дыра. На поиски уйдут месяцы.

– Норны сами вас отыщут, мистер Снейк. Идите по следу иллюзий.

– Вы не завсегда свой притона, мистер Гроан?..

Не тратя время на дальнейшую болтовню, стрелок направился к выходу.

– Удачи, мистер Снейк.

Скрип песка сопровождал каждый шаг, покуда террариум с единственным обитателем не остался позади. При спуске лифт внушал не меньшие опасения.

Паромобиль, доставивший Снейка, исчез. Взамен обнаружилась машина иной конструкции, предназначение которой состояло в перевозке грузов – и обещанная лебедка, и прочие механизмы наличествовали в задней части агрегата.

Стрелок уселся за рычаги, осваиваясь.

Мотор заурчал, забулькал, когда грузный транспорт покатил к воротам. Не было ни пышных напутствий, ни самих провожатых, помимо угрюмой охраны.

По обыкновению, Снейк отбывал в одиночестве.

Его занимал вопрос, который старик-Гроан, считавший себя светочем мудрости, не услышал и не озвучил: на что норны намерены растратить деньги?..

Местонахождение Самых Первых трущоб Сорквудистана не являлось секретом. Стрелок руководствовался не только памятью, но и запахами. Сам он бывал у фронта древних развалин, углубляться в кои ему не было нужды.

Виденные когда-то карты не внушали оптимизма – трущобы громоздились жутким, неопытным лабиринтом, отмеченным картографами в самых общих и неправдоподобных штрихах (ни один из снобов-ученых, разумеется, не рискнул лично прояснить ситуацию). Там давным-давно никто не жил – в общепринятом понимании; аборигены отправились в другие районы, оставив лачуги гнить и ветшать на сырых фундаментах, когда река вышла из берегов.

Сорквудистан не отторг запущенные территории, но заключил в объятия и стиснул. Из глубины трущоб путь к городским окраинам неблизок, – в любом направлении.

Неудивительно, что норны благополучно переждали там не одно столетие.

Река Сорк – единственная река Сорквудистана – змеилась по каменному ложу через многие городские районы, подобно веревке или гибкой проволоке, брошенной с небес на путаницу улиц. Собственно, рекой как таковой Сорк уже вряд ли являлся, будучи скорее грандиозным коллектором нечистот.

Сорквудистан не переставал гордиться муниципальной канализационной системой, стоки которой в конечном итоге попадали прямиком в речные воды. Не только содержимое тысяч ночных горшков, но и промышленные, подчас ядовитые субстанции, не подлежащие иной обработке, а также жидкие и твердые компоненты множества опытов, ежедневно имевших место в лабораториях ученых, студентов и алхимиков. Вся эта смесь сделала воду Сорка непригодной для употребления, и, по слухам, загадочным образом воздействовала на крыс и прочих животных, порождая чудовищных, противоестественных химер.

К тому времени, как Сорк начал выходить из берегов, вода в нем была сравнительно чистой, но со временем, по мере роста населения и спускаемых отходов, места затопления превратились в нещадно смердящие трясины.

Горожане с запахами свыклись, Снейку же те служили верным ориентиром.

Он ловко орудовал рычагами и совершал остановки лишь затем, чтобы бросить в топку дров, коих позади было припасено изрядно. Трущобы, именуемые Кроу-Роад, разверзлись отнюдь не внезапно, неумолимо и поступательно вытесняя более презентабельные кварталы. К тому моменту, когда любой путник мог бы с полной уверенностью утверждать, что он достиг Самых Первых трущоб, а именно Кроу-Роад, – к этому часу Снейк израсходовал едва ли больше пятой части древесных запасов. Но сколько-то еще колесить?..

Придерживая рычаг коленом, стрелок полез в кошель из промасленной кожи, пересчитал патроны – оставалось достаточно. В карманы плаща Снейк ссыпал по щедрой пригоршне, остальные, стараясь не выронить, вернул в кошель.

По обе стороны тянулись унылые, полуразвалившиеся образины с черными окнами. Рокот парового котла порождал гулкое эхо, гуляющее по пустым улочкам.

Снейк видел первые дома Сорквудистана, залог грядущего мегаполиса. Простая, грубая кладка, косые стены и провалившиеся черепичные крыши. Строения стояли на собственных фундаментах – их, в отличие от множества улиц, не погребли под собою лавины пристроек, перестроек и благоустройств.

Несколько раз стрелок разворачивал машину и искал объездной путь, – дорогу преграждали то рухнувшие стены, то вязкие, смердящие болота Сорка.

Наконец стравил пар и сошел наземь. Ездить кругами в бесплодных поисках было напрасной тратой драгоценного горючего. Из-за шума машины Снейк совершенно ничего не слышал, а следовательно, подвергал себя опасности.

Выбрав направление, двинулся по темной улице. Стратегию и тактику стрелок в общих чертах сформировал, следовало дожидаться подходящего случая.

И тот не заставил себя ждать. Стоило Снейку увидеть, как неподвижные доселе здания сдвигаются, силясь расплющить чужака, как стало ясно – норны в самом деле нашли его первыми. Стрелок огляделся. Путь к бегству открыт, но прямо по курсу смыкались ощеренные балками и черепицей тиски.

Снейк застыл. Руки свободно свисали вдоль корпуса.

Силуэты в тенях, черное на черном.

Судя по всему, телепаты не могли сделаться невидимыми, не могли изъять из разума то, что узрели глаза, но могли соорудить ложную ширму. То ли все их силы ушли на трюк с самодвижущимися домами, то ли норны сочли, что, как и с другими бродягами, другая маскировка не потребуется.

Они ошибались.

Снейк целил в голову и икроножную мышцу. Один телепат упал замертво, другой – с пронзительным воплем. Иллюзия рассеялась, распалась – ветхие дома во мгновение ока возвратились на старые постылые фундаменты.

Покуда норн катался по земле, стрелок ждал, озираясь.

Но нет – похоже, он наткнулся на дозорных, засадой тут и не пахло.

Прежде чем убрать револьверы, Снейк извлек пустые гильзы и вставил на их место патроны. При наиболее неблагоприятном раскладе ему потребуются ВСЕ пули.

Ранение телепата было легким, сквозным – кость наверняка не задета, и гангрена навряд ли грозила. Тем не менее, норн столь ожесточенно кривился и раздувал из слюны пузыри, словно Снейк отстрелил ему мужское достоинство.

Стрелок презрительно сплюнул.

– Заткнись, – бросил он. – Веди себя как мужчина. Это чепуха, а не боль.

– Что ты знаешь о боли, человек?.. – прошипел норн с незнакомым акцентом.

По груди Снейка ползли огромные сороконожки, однако он не обратил внимания.

– А ЭТО – боль, – сказал он и с силой опустил каблук на ладонь телепата.

Норн заголосил пуще прежнего.

– Зачем?.. – воскликнул он, брызжа слюной.

– Вопросы буду задавать я. Если вздумаешь валять дурака, тебе откроются такие горизонты страданий, о возможности которых и не подозревал, – посулил стрелок.

– Ладно...

Норн баюкал то руку, то ногу.

– Будешь провожатым, – сказал Снейк. – Отведешь к Королеве.

– К кому?.. – безволосое лицо озадаченно вытянулось. – Прости, но это невозможно. Королева покинула нас сотни лет назад, даже мой прадед ее не застал...

– А саркофаг?..

Норн моргнул.

– На месте. Там, где всегда. Пуст, как эти дома.

– Проведи к нему. Хочу убедиться.

– Позволь заметить, – облизнувшись, пробормотал телепат, – что там немало моих сородичей. Неужто считаешь, что способен устоять против их мощи?..

– Я предостерег насчет вопросов. Теперь вставай и веди.

Норн поднялся, и, прихрамывая, двинулся в проулок.

Лысая голова сияла в темноте белым круглым пятном. Неожиданно на ее месте оказалось сразу несколько, не меньше полудюжины, и каждая была правдоподобной до жути. Норны бодро хромали вперед, увеличивая меж собою дистанцию.

На мгновение Снейк растерялся. Затем понял, что зрение ему только мешает.

Он закрыл глаза и услышал шаги. Никто, даже самый искусный соглядатай не в состоянии передвигаться бесшумно с поврежденной ногой. Ну а норн подавно.

Не открывая глаз, Снейк устремился в погоню, и, считанные шаги спустя, сграбастал беглеца за плечо – неожиданно податливое, точно девичье.

– Выкинешь еще что-то в этом роде, пожалеешь, – прошипел стрелок и стиснул пальцы.

Норн застонал. Из-под капюшона выползла зеленая змея и впиалась ядовитыми клыками в руку Снейка – между большим и указательным пальцами, – впрыснула яд. Стрелок почти физически ощутил обжигающую боль, но руки не убрал.

Вместо этого он достал револьвер свободной рукой и приставил дуло к щеке норна.

– Я в любой момент могу снести тебе голову, а ты и моргнуть не успеешь.

Телепат сделался белее мела.

– Ладно, идем.

Они продолжили путь – хромым норн тащился первым, стрелок на дистанции в пару шагов. Увечные строения беззвучно глядели вслед. Где-то шумел город.

Сорквудистан никогда не спал, кошмарами его не проймешь.

– Долго еще?..

– Нет, почти на месте, – буркнул телепат.

Едва он заткнулся, как на Снейка навалился спуд чуждой энергии, чужих сознаний. Ноги вязли в трясине, каждый шаг давался с трудом, у раненого же норна будто открылось второе дыхание. Родичи пришли на выручку.

Руки стрелка грызли голодные ободранные псы, каковые в трущобах и вправду могли бродить огромными стаями. Снейк крутил головой и наконец увидел: зыбкие колеблющиеся тени на фоне ветхих фасадов. Кирпичи, да не только.

Стрелок стряхнул шавок и выхватил револьверы. Каждый выстрел поразил цель.

Снейк израсходовал четыре патрона.

Собаки исчезли разом с трясинной. Вытряхнув гильзы, стрелок свистнул провожатому.

Осознав тщетность суеты, тот в беспомощности замер.

– Послушай, – сказал Снейк, приближаясь, – можно ли предостеречь твоих родичей, чтобы не путались под ногами?.. Сам видишь, я раскусил ваши фокусы.

Норн угрюмо молчал.

– Молчишь?.. Ладно, идем. И учти – будешь водить кругами, пеняй на себя.

– Я ЗНАЮ тебя, – сказал норн. – Знаю, что ты за человек. Ты совершал страшные вещи, и, что любопытно, способен на худшие. Гораздо худшие.

Снейк промолчал. Конечно, норн его знал. Телепат не нуждался в задушевной беседе, чтобы разузнать о прошлом попутчика, его внутреннем мире.

Стрелок ему не завидовал.

– Зачем, в таком случае, – спросил Снейк, – ты чесал языком, почему зря?..

Телепат усмехнулся.

Стрелок знал, зачем. Чтобы усыпить бдительность. Чтобы он, Снейк, хоть на мгновение позабыл о чудесном, но в большей степени ужасном даре.

Все только начиналось. Когда они прибудут на место, норны навалятся скопом, всей мощью, выпотрошат память Снейка, вытряхнут все, что упрятано в самой глубокой расщелине темного дна, пробудят чудовищ, – вот тогда придется несладко.

Однако, он знал, на что шел, ради чего.

- Деньги?.. У нас есть немного, – сказал норн, – но ты их вряд ли возьмешь.
- Не возьму.
- Твои шансы предельно малы, смехотворны. Лишишься и платы, и самого ценного.
- Жизни?.. – Снейк растянул губы в улыбке. – По-твоему, это самое ценное?!
- Вот почему ты так легко убиваешь?.. В глубине души ты сам себя ненавидишь.
- Ошибаешься, не в глубине. Прибавь-ка ходу, трепач.

Перед ними открылась длинная узкая аллея, стиснутая невысокими кирпичными стенами. Лунный свет заливал древние камни нереальным, призрачным сиянием. Снейк на мгновение усомнился, видит ли он это в самом деле, – столь прекрасным, не похожим на прочий Сорквудистан было видение.

Пальмы шелестели острой и длинной, как кинжальные лезвия, листвой. Тропинка вела к фасаду внушительного в прошлом строения, к темной арке, уводящей, по-видимому, в подземельные хляби. Из проема тянуло прохладой.

- Что там?.. – спросил Снейк.
- То, к чему ты стремишься. Саркофаг, – ответил норн.
- Сколько твоих родичей встанут на дороге?..
- Многие. Неужели это имеет значение?..
- Верно, не имеет. Иди вперед.

Путники погрузились под сень арки. Ступени начинались почти у порога. Крутая, но основательная винтовая лестница, построенная на столетия.

Вокруг царила кромешная тьма, однако Снейк не испытывал дискомфорта. Он сносно видел окружающее, потому как являлся не совсем человеком, слышал шаги норна и собственные, а равно то, как звуки отражаются от далеких поверхностей где-то в глубине. Стрелок высунул змеиный язык и пробовал воздух на вкус. Влага, столетия, пыль, присутствие живых существ.

- Чем вы тут питаетесь?..
- Всем, чем придется. – Норн пожал плечами. – На поверхности в укромных уголках поля и огороды. Разводим кроликов, домашнюю птицу. Как фермеры.
- Не брезгуете человечинной?..
- Телепат спускался в темноту.
- Зачем вам понадобились деньги Мафии?..
- Хотели скопить достаточно, чтобы покинуть Сорквудистан.
- В отличие от собеседника Снейк не был телепатом, но понял, что тот солгал.
- Впрочем, стрелок не настаивал. Какое, в сущности, ему дело?..
- Спуск окончился.

Они вышли в просторный холл, заполненный эхом и мраком. Судя по всему, странное место создали первые поселенцы, – норны способны зодчествовать исключительно по хрустально. То ли казематы, убежище, то ли некое церемониальное пространство, предназначенное для отправления древних мистерий.

- В противоположной стороне маячил проем.
- Саркофаг там?.. – спросил Снейк и поежился при отзвуках собственного голоса.
- Да, путь предстоит неблизкий. Ты готов?..
- Стрелок двинулся вперед.

В проеме мелькнула тень, появился сквозняк. Подземные жители узнали о госте.

Снейку уготовили теплый прием – навстречу вышли десятки людей и прочих существ, все те, кого он прикончил в своей жизни. Они стояли по обе стороны темными рядами, с неохотой расступались, когда убийца приближался вплотную. Глаза – те, у кого оставались глаза – выражали укор и беспредельную тоску. Ни следа распада и гнили, – даже у тех, кого Снейк, как ему казалось, успел позабыть; он с изумлением таращился на смутно знакомые морды и лица.

У каждого, вместе с тем, имелся оставленный стрелком след. Свежие, кровоточащие пулевые отверстия, оторванные пальцы, уши, зияющие дыры на месте глаз. Точно Снейк убил их мгновением ранее.

Он не замер, не бросился опрометью прочь. Норны просчитались. На другого, возможно, их искусный трюк и подействовал бы. Но, в конечном итоге, Снейк убил их однажды, убил бы и вновь. Пусть не всех. Кого бояться?.. Просто образы, фантомы, извлеченные из глубинных пластов памяти.

Стрелок вошел в проем, следуя за телепатом.

Убитые, ни один из коих не произнес ни слова, остались позади.

Снейк не трудился загодя достать оружие. Когда револьверы ему понадобятся, прохладные рукоятки словно сами собой материализуются в ладонях.

Норны решили немного поразвлечься, – за порогом не оказалось ни души. Длинный коридор уводил в неизвестность, где вольготно обитают кошмары.

«Это веселье вам боком выйдет, парни», – подумал Снейк.

Еще он понял, что вытащить саркофаг с Королевой на поверхность с такой-то глубины представляло едва ли выполнимую задачу, если только у телепатов не имелось чего-то вроде подъемного крана или грузового лифта.

– Ты не сможешь унести саркофаг, – встрял проводник. – Это невозможно, он весит целую тонну. И Королевы там нет, ты только понапрасну рискуешь.

– Заткнись. Ты мне уже не нужен.

Норн заткнулся.

Психические атаки возобновились с новой силой: Снейк видел другие образы из прошлого, включая тот, что давеча ему показали налетчики, ступал по кишасим под ногами гадюкам, ощущал ползущих по телу пауков, ронял в пропасть револьверы, шел напрямик в жаркое пламя, щурился под зловонным дыханием чудовищ, и прочее, прочее, – куда более мерзкие сцены.

В повседневной жизни стрелку редко снились кошмары. А когда снились, бояться, в сущности, было некого. В своих снах Снейк был единственным монстром.

Где-то гроыхнуло, пуля выбила щебень из камня над головой.

Стрелок бездумно выхватил револьвер – извивающуюся черную тварь с множеством суставчатых лапок, – нажал на спуск. В темноте раздался вскрик, чье-то тело шлепнулось на каменный пол, со звоном выронив оружие.

В очередной гулкой зал битком набились норны. Фигуры в черных балахонах бросились на Снейка. Большинство, те, что оказались иллюзией, проходили сквозь стрелка, но в какой-то момент бок Снейка обожгло острой болью.

По крайней мере один из ножей был настоящим.

Стрелок открыл огонь. Черные жуки кусались и дрыгали конечностями.

Тех нападающих, что кутались в одежды с головы до пят и неестественно двигались, Снейк игнорировал, несмотря на угрожающие выпады. Он старался увидеть трехглазые лица, потому как на многих был написан неподдельный ужас. Револьверы изрыгали огонь, раскаленные пули кромсали плоть и кости.

Снейк продвигался вперед, оставляя позади распостертые на камнях тела.

Норны отменно создавали фантазмы, однако в бою проявили себя довольно посредственно.

«Довольно», – прогремел чей-то голос.

Женский голос.

Снейк не мог сказать, услышал ли его ушами, или слово прозвучало в голове.

– Кто это?.. – спросил он.

Стрелок и провожатый одни остались на ногах.

Иллюзии исчезли, бесследно канули во тьму.

Впрочем, Снейк по-прежнему ощущал мигрень – кто-то продолжал копать в голове.

– Ну давай, сука трехглазая, – угрюмо бросил он, – покажи, на что способна. Ты ведь уже знаешь, что я приду за тобой, как бы меня не страшала. А по пути вырежу все твоё нечестивое отродье, всех до единого.

«Знаю», – сказал голос после паузы.

Боль ушла, точно с головы Снейка упал пудовый куль.

– А ты заладил – нет, мол, Королевы, пусто, – укорил стрелок провожатого.

Тот скрежетал зубами.

И саркофаг, и Королева обнаружили в подземном чертоге, каковой с полным правом можно поименовать Тронным залом. Потолок терялся во тьме, со стен свисали гобелены и странные, светящиеся изнутри стекла, пол покрывали пушистые ковры. Саркофаг стоял на каменном возвышении, покрытом барельефами и незнакомыми символами. В воздухе пели рукотворные радуги.

Саркофаг окружали норны – несколько дюжин. Настоящих, не иллюзорных. Снейк понял это по обнаженным лысым головам, – каждое лицо чуточку, но разнилось от прочих. Двое морщинистых старцев носили не черное, а пурпур. Их расположенные во лбах слепые глаза казались более выпуклыми.

– Мы знали, что ты придешь, – сказал один.

– Госпожа говорила о тебе, – добавил другой.

– Зачем же столько возни, если меня ждали?.. – поинтересовался Снейк.

– Все идет своим чередом, странник.

– Желал увидеть госпожу?.. Смотри.

Стрелок приблизился.

Саркофаг был выкован из блестящего светлого металла, но не серебра или стали. Над ложем покоилась толстая, выгнутая плита. В бледно-розовой перламутровой поверхности угадывались очертания неподвижного тела.

Женского тела.

Нечеловеческого тела.

– Я пришел, Ваше Величество. Вы готовы?..

– Тебе не унесли саркофаг, – заявил старец, поджав губы.

– А помогать никто не станет, – добавил другой.

– Верно, саркофаг мне не утащить, – кивнул Снейк. – Но вот Королеву...

Он изложил свой замысел. Норны слушали слова и читали мысли. С каждым мгновением лица их все больше вытягивались, выражая самые различные чувства, от гнева до изумления. Но не одобрение. К такому они не готовы.

– У вас нет выбора. Возможно, с помощью Ее Величества меня удастся одолеть, однако игуаны будут присылать новых и новых убийц. Они не остановятся, пока не получат желаемого. С моей же помощью у вас появится шанс.

– Безумец!.. – вскричал старец.

– Госпожа не покидала саркофаг на протяжении веков! Лишь там она в безопасности!..

– Не сказал бы. – Снейк пожал плечами. – После стольких лет затворничества свежий воздух придется госпоже по вкусу. И потом, неужто она собралась жить вечно?..

«Сделайте, как он говорит».

Норны сморщились, скривились, вокруг заплясали суматошные образы – телепаты, вероятно, обменивались негодованием, – но в конечном итоге разбрелись по залу.

Старцы остались, чтобы вскрыть саркофаг.

Королева выглядела точь-в-точь как на гравюре, разве что исхудавшей и сонной. Передвигаться самостоятельно она не могла, и Снейк с готовностью принял ношу.

Повелительница тайного племени обвила его четырьмя тонкими руками. Пять глаз, не мигая, смотрели на стрелка во время долгого подъема к Первым трущобам.

Игуаны были вне себя: трясли гребнями, пучили глазища.

Твердили:

– Мы поручили доставить Королеву, мистер Снейк! Не пустой саркофаг! Вы не справились, стало быть, преждевременен и разговор о деньгах!..

Стрелок возражал:

– Я доставил, что вы просили. А именно – штуку, где оной Королеве полагалось быть. Саркофаг. Не моя вина, что старушенция в комплект не входила.

– Вы в своем уме, мистер Снейк?.. На что нам пустой саркофаг?!.

– Решайте сами. А мне, будьте добры, предоставьте заслуженную плату. Я не шучу.

– Заслуженную?.. – игуаны едва не подавились.

– В полном объеме. Меня, знаете ли, едва не убили, пока я пытался притащить этот короб.

– Не вы ли утверждали, мистер Снейк, что почти не встретили сопротивления?.. – ящерицы с подозрением шурились. – Дескать, никого не осталось?..

– Ну да. Застрелил пару оборванцев. Трупы остались в трущобах – коли есть желание, отправляйтесь поглядеть. Остальные давно отчалили в другие края. Вероятно, – высказал догадку стрелок, – Королева иже с ними.

– Не находили ли вы наших денег, мистер Снейк?..

– Увы. То ли промотали, шельмецы, то ли забрали с собой.

– Говорите, никого?..

– Ни души.

Мафиози какое-то время сотрясали воздух языками и хвостами, но в конечном итоге были вынуждены выплатить всю сумму. Пятьдесят тысяч – не настолько уж непопозволительная сумма для столь благой цели, как хорошие отношения с опаснейшим ганглингером Сорквудистана. Свою роль сыграла и смутная интрига с Хозяевами – игуаны наверняка затевали какую-то игру, – но Снейк предпочитал не забивать этим голову. До тех пор, покуда есть выбор.

Пару месяцев спустя, когда стрелок объявился на западном берегу, во главе предприятия «Сладкие грезы», – Мафия недвусмысленно проявила озабоченность.

К важным шишкам адресовались письменные жалобы и телефонограммы, однако другие, не менее почтенные персоны, в том числе парламентарии, к тому времени пополнившие клиентуру Снейка, основательно подсели на сладкие грезы.

Королева творила чудеса.

Стрелок подсчитывал прибыль и готовился, сознавая, что это отнюдь не конец.

Часть 2. Судьба

Снейк был рад тому, что бандиты нанесли визит, – это даст возможность развеяться, и на какое-то время выбросить из головы документы и цифры.

«Сладкие грезы» стал популярным и прибыльным местом. Банковский счет рос день ото дня. Неудивительно, что такие темпы кое-кого возмущали.

Когда Том Хикок, старший вышибала, отыскал Снейка в глубинах клуба, а именно в кабинете с книжными стеллажами, баром и панелями красного дерева (стереотип берлоги преуспевающего коммерсанта), Снейк собирался ненадолго вздремнуть, прежде чем вернуться к возне с опостылевшими документами.

– Босс, вас хотят видеть, – просипел Том, здоровяк с простым и открытым лицом.

– Кого там принесло?.. – сварливо откликнулся Снейк.

– Билла Мюррея с компанией.

– Что им нужно, Том?..

– Видеть вас, босс. Двое крутились у клуба всю неделю, таращились на посетителей. Они не совершали ничего незаконного, поэтому я их не трогал, сэр.

– Ты слишком печешься о законе, Том, – укорил Снейк. – Однако, закон не печется ни о ком из нас, уясни это раз и навсегда. Если подозрительный субъект отирается у клуба, ты, несмотря на то, что тот никого не грабит, не избивает, должен непременно поставить меня в известность, смекаешь?..

– Да, сэр. Прошу прощения, сэр.

– Том, когда ты вставляешь свои «сэр» в каждую фразу, меня тянет обернуться, чтобы поглядеть, не стоят ли за спиной люди в мундирах. – Снейк застегнул оба ремня из сыромятной кожи, оправил кобуры, чтобы те привычно лежали на бедрах, убедился, что револьверы легко покидают кобуры, а в каждом гнезде барабанов – отличный, ручной работы патрон, и лишь после этих нехитрых, отработанных до автоматизма процедур направился к выходу.

Том порывался что-то сказать, но передумал.

– Не ходи, Том, – велел Снейк. – Сам разберусь.

Вышибала кивнул, ни на мгновение не усомнившись, что так и случится.

«Дорогой, возможно, у меня получится лучше?..»

– Вот еще, – буркнул Снейк, немедля удостоившись удивленных взглядов Тома и других вышибал. Он по-прежнему говорил с Королевой вслух, хотя та читала мысли задолго до того, как те становились словами. – Мерзавцы знали, на что идут. Никто по ним плакать не станет, я просто сэкономлю городу веревку.

«Не самый благородный способ устроить перерыв».

– Кто заподозрил меня в благородстве?.. – хмыкнул Снейк и вышел на крыльцо.

Билл Мюррей стоял перед клубом в окружении шавок.

Снейк видел его прежде в салунах, как правило, за карточным столом. В прошлом – грабитель и убийца, ныне, во главе собственной банды – грабитель, убийца и вымогатель. Однажды Снейк видел, как Билл опрокинул стол и всадил в другого картежника несколько пуль, пояснив это тем, что тот, дескать, передергивал. Никто не вмешался, позволив бандиту покинуть салун.

Снейк допил виски и ушел следом. Он не знал ни Билла, ни убитого, а подобных сцен на своем веку повидал, должно быть, миллион. Но что-то говорило ему, – они еще встретятся, причем не при самых благоприятных обстоятельствах.

Как с одним, так и с другим.

– Что тебе нужно?.. – спросил стрелок намеренно грубо.

– Снейк, есть разговор. – Гангстер осклабился. – Говорят, ты гребешь деньги лопатой?..

– Всякое говорят. Что, например, луна из старого сыра.

– Не валяй дурака, Снейк. Ты прекрасно понял.

– Ты решил?.. Напрасно, приятель.

Лицо Билла – обветренное, неприятное – посуровело.

– Будешь платить пятую часть своего дохода. Заметь, не половину, не четверть, как другие. Это говорит о том, что мы тебя уважаем, и не дадим в обиду.

Улица стремительно редела. Прохожие были местными, и уже знали, что произойдет.

– Это говорит о том, что ты болван, Билл, – возразил Снейк. – Будь у тебя яйца побольше калибром, ты требовал бы половину. Иначе риск себя не оправдывает.

Бандит оскалился и выхватил из кобуры пистолет. Быстро, но недостаточно.

Револьвер Снейка рывкнул дважды. Тяжелой пулей, угодившей в живот, гангстера развернуло вокруг оси. Вторая пуля, прежде чем Билл упал, пробила горло.

Изо рта Мюррея донеслось громкое бульканье. Кровь толчками хлестала меж пальцев.

Миг – все было кончено.

Подручные, не успев осознать, что случилось, беспомощно глядели то на Билла, то на Снейка.

Стрелок держал их под стволом револьвера. Никто, впрочем, не желал разделить участь босса. Двое взяли убитого под руки, третий обхватил ноги.

Процессия отбыла.

«Иного я и не ожидала».

– Надежды на лучшее редко оправдываются, – пробурчал стрелок. – Таков мир, милая. Другого предложить не могу, приходится довольствоваться тем, что имеется.

Развернувшись, Снейк вошел к клубу.

В «Сладких грезах» функционировал бар – стрелок был волен лакать виски столько, сколько заблагорассудится. Сперва Снейк так и поступал, но чего-то не доставало. То ли атмосферы дешевого салуна, то ли разномастной швали, что собирается в подобных местах и лезет на рожон, то ли чего-то еще, что составляло значительную часть его, Снейка, прежнего существования.

Отчасти он скучал по былому, – той поре, когда ничто не удерживало его в каком-либо городе, он был одинок и свободен, и ни в коей мере не обременен ответственностью за собственность, персонал и клиентуру – первостепенные предметы неустанных забот любого уважающего себя коммерсанта.

– Мистер Снейк?..

Был вечер. Стрелок, слегка навеселе, возвращался после обхода значных мест.

Еще одна причина того, что ему не сиделось в клубе, обладала королевским титулом. Снейк обнаружил, что утомляется от чужого присутствия в голове. На дистанции же воздействие Королевы слабело, и, в конечном итоге, улетучивалось вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.